

Эпизод \ [7й] /// «НАША ЖИЗНЬ ЧАСТО ЗАВИСИТ ОТ СКОТОВ!..»

- >> **Сержант Ёсипов: жажда демонстрировать власть**
 - >> **Глумление сержантов, зачем это делается**
 - >> **Последний «сон-тренаж нашего первого курса**
 - >> **Мой сосед Витька Мамонов: скрытые мотивы поведения**
 - >> **Сплочённая ненависть тоже может быть оружием**
 - >> **Борода. Чего не додумали камикадзе**
 - >> **«Фашист»**
 - >> **Почему незнание офицером математики – это на войне гибель многих людей**
- 13 сентября 1971 г. (понедельник)

Ум всех людей, вместе взятых, не поможет тому, у кого нет своего: слепому не в пользу чужая зоркость. Жан де ЛАБРЮЙЕР

На нашем курсе ЧП! Двое курсантов – Капустянский и Боженков, напившись, в два часа ночи подняли с постели нашего Байдакова и за что-то избили его.

Байдаков не стал никого будить из своих, послушно вышел за двумя негодьями в умывальник, где всё и произошло. Больше того, о случившемся он утром рассказал только командиру отделения сержанту Мусиевичу.

А командир нашей роты майор Неперов теперь во всём обвиняет всех нас, что мы всё скрываем и не доложили о происшедшем ему!

После разбирательства Боженков и Капустянский были определены на губу.

Впрочем, Колю Байдакова понять можно! Кто бы на его месте стал будить всех и вся, когда поднимают «поговорить» только его?! Это мужская гордость! Пусть ложная, но всё же! Я бы, наверное, тоже никого не разбудил! Сейчас Николай залечивает побои в лазарете. Собственно, сигнал командованию училища об этом инциденте и поступил именно оттуда.

Разумеется, командиру роты тут же влетело по первое число.

Майор Неперов о происшедшем беседовал с Ёсиповым прямо в спальном помещении казармы, поэтому весь разговор был слышен и мне, и другим нашим курсантам, которые только что пришли из спортивного городка и переодевались в военное.

— Людям нужен командир требовательный! — внушал ротный. — Они хотят его, ждут его! А наши командиры ничему не требуют (он так и сказал: «ничему»! – авт.)! Потому, что сами опускаются до того же уровня и им неудобно уже требовать!

— Да. Это так, — охотно соглашается Ёсипов. — Я уже со многими командирами [отделений] об этом говорил. — Этой фразой Ёсипов как бы поставил себя вне «этих нетребовательных командиров»! — Вот, даже наши курсанты строем не ходят на занятиях.

— После занятий? — уточняет Неперов.

— Нет, между [учебными] парами... Из одного корпуса УЛО в другой.

Командир роты пожал плечами. Но по его выражению лица было понятно, что меры будут приняты!

А этот Ёсипов! Каков хлюст! Сам-то, скотина, в строй не лезет! Строем ему ходи 40 метров из УЛО в УЛО-2!

...Я заметил, есть в характере Ёсипова одна неприятная черта: он постоянно разговаривает со всеми тоном выговора. А люди, как известно, этого не выносят! Они хотят, чтобы с ними говорили, как с равными, даже если командир тысячу раз прав!.. Ёсипов какой-то оголтело принципиальный, что ли... Любую мелочь возводит в ранг принципа. За любое нарушение, которое он заметит, даже самое мелкое, следует наказание курсанту. Он считает это справедливостью: заслужил – получи. И думает, что все рано или поздно проникнутся и его за эту самую «справедливость» станут уважать. Ёсипов во всём и всегда хочет быть непогрешимым (хотя таковым, конечно, не является!), словно со дня рождения получил индульгенцию на все ошибки и право выражать единственно правильную точку зрения. Поэтому нашего старшину с трудом терпят. И то, только потому, что он наш командир! А в армии, как известно, командиров не выбирают!

Вот такие у нас настали времена! Впрочем, наверное, не бывает мрачных времён, бывают мрачные люди. Если правда то, что детей находят в капусте, то нашего Ёсипова, видимо, нашли в кислой капусте. Очень кислой!..

Между прочим, наш старшина планирует плотно «держать» нас вплоть до выпуска! Недавно в курилке я его раскрутил, и он выложил своё видение перспективы отношений между ним, старшиной роты, и нами, курсантами.

Я всё донимал его, к чему такие придирки? Когда же всё это прекратится?

— После выпуска. В октябре-ноябре 1974 года, — самодовольно ответил бывший стройбатовец, а ныне наш младший командир и рассмеялся своей шутке.

А, может, он и не считал, что это шутка. В ту минуту он, видимо, порадовался той мысли, что ещё целых три года мы будем в его в руках и зависеть от его прихотей и мрачного настроения.

— Что-что? — поднял я бровь. — Может, ты думаешь, и на полётах от самолёта к самолёту мы будем строем ходить под твоим присмотром?

— На полётах тем более, — парировал сержант. — Попробуй там что-нибудь вякнуть – в момент вылетишь из училища.

Ёсипов закурил и улыбнулся тому, что у него на лётной практике появится ещё один рычаг для воздействия на нас и наше поведение.

— Представь, Кручинин, встаём на полёты раненько утречком, часика в три... Во сколько там поднимаются на первую полётную смену, Галага? — Пётр пожал плечами, этого он не знал. — Под руководством командиров отделений делаете зарядочку («делаете» – т.е. вы делаете, а я нет!), умываемся, заправляем постели. Затем утренний осмотр (!). И строем (!!), с песней (!!!) на полёты.

— Мгм! Весь гарнизон спит, а мы с «утречка», «часика в три» будем тебе песни горланить, чтобы начальство спросонья знало, какой у нас требовательный сержант! Ты чо, Ёсипов! Какая зарядка в три утра, какой строй, какие песни, какой «до четвёртого курса»! Ты ещё повыкабеливаешься с полгодика und alles¹...

— Ты, Кручинин, выраженьица свои выбирай. «Повыкабеливаешься». Совсем обнаглел. Ты на этот четвертый курс не смотри. У них не было порядочных младших командиров. Потому дисциплины там никогда не было и нет. А у нас будет. Вот увидишь.

И вообще запомни, Кручинин, и другим передай: если нас (младших командиров – Ю.К.) поставили вами командовать, значит, выбрали лучших. Мы лучшие – запомни это хорошенечко. И я из вас людей сделаю. Увидишь. Из тебя, из Новошилова, из Передышко с Самойченко и Ласетным. И Пузачёв с Щербаковым станут как шёлковые. И Рубан... Распустились тут без меня...

— Trauriger Fall! Darauf, Herr Esipoff, das endet nicht gut²!

— Я тебе дам, «траур по господину Ёсипову», — нахохлился сержант. — Давно наряд на уборку туалета не получал?

Из всей фразы он понял только «господин Ёсипов». Trauriger Fall³!

...И припомнился мне эпизод на первом курсе.

Как-то Ёсипову захотелось личный состав то ли проучить (за то, что не все вовремя вышли из столовой – задержались в обеденном зале Ласетный, Передышко и Возюев), то ли хотел просто поглумиться, власть свою показать (что, скорее всего!). Вот и решил устроить нам очередной внеочередной «сон-тренаж»!

<<•><><•><><•>>

□□□□□ — *И передо мной пацак должен не один, а два раза приседать!* Из худ. к/ф-ма «Кин-дза-дза»

Первый раз отбились по команде за сорок пять секунд, за сорок пять секунд оделись, встали в строй.

Повторить!

Второй раз.

Нет, Ёсипову не нравится! Повторяем!

Взвод был возмущён.

— Не подчиняться! — покатилося шёпотом по строю.

— Не подчиняться!

— Ни кому не ложиться!

— Стоять в строю!..

Ёсипов ничего не слышит, ходит перед строем гоголем:

— Плохо. Не хотим укладываться вовремя. Будем отбиваться, пока не уложите в 45 секунд...

Он с плохо скрываемым превосходством оглянул строй: вот она власть!

— Взвод. Равняйся. Смирно. Взвод... — взгляд на свои часы: — Сорок пять секунд... отбой...

И поворачивается в сторону, куда мы должны с топотом бежать!

Строй стоит, не шелохнувшись. До Ёсипова не дошло. Удивлённо подняв от своих часов глаза и увидев, что в той стороне, куда он смотрит, никого нет, он медленно поворачивается к нам. И своими бесцветными ресницами на нас – хлоп-хлоп, хлоп-хлоп!

И подумав, что у нас случился сбой со слухом, продолжает:

— Отставить.

Все команды, как всегда, равнодушно, без восклицания. Можно сказать, на автопилоте.

— Равняйся. Смирно. Взвод... Сорок пять секунд, отбой...

Строй стоит!

В нашей половине казармы враз наступила тишина. Из своих «кубриков» высунулись курсанты других взводов. Глупо улыбаясь, вышел в коридор старший

сержант Гоменьченко – заместитель командира 3го взвода, тоже любитель тренировать таким образом своих подчинённых. Все смотрят, чем это кончится.

Серая кровь отхлынула с лица нашего сержанта. Ёсипов побледнел. Бледнота эта проступила даже сквозь землистый (как я называю, «стройбатовский») цвет кожи на его лице.

— Так. Отставить. Что, непонятна команда? Сейчас все уложите за отведенное время, — с нажимом проговорил замкомвзвода. — Иначе будете отбиваться-подниматься до самого отбоя. Вы меня знаете...

Увы, он не знал нас! Или недооценивал. Как писал Джон Джей Чапмэн, *«Сплочённость – это организованная ненависть»*.

Здесь: не в том смысле, что её, ненависть, кто-то организовал, а в том, что она стала сплочённой. (Да простится мне в этом месте некоторая тавтология.)

— Взвод. Равняйся. Смирно... Сорок пять секунд, отбой...

Тут из второй шеренги, прямо у меня из-за спины вырывается наш Витька Мамонов, мой сосед по общей тумбочке, и с криком: «Да ну вас!» кренделем покатился к своей кровати, раздеваясь на ходу.

У него был вид человека, боявшегося опоздать! Наверное, в ту минуту для Слона было важно, чтобы Ёсипов заметил его дисциплинированность, старание, а главное – что он был первым, разрушившим нашу коллективку! Витька боялся, что кто-то его опередит и он не будет первым!..

Однако за Мамоновым никто не последовал! Взвод с презрением наблюдал за его действиями. Слон уже у своей коечки обернулся, замер, тоже посерел лицом. Замедлил раздевание. Потом облизнул враз пересохшие губы и стал медленно опять натягивать гимнастёрку. А затем поплёлся к строю!

Идти против коллектива – не в правилах таких людей, даже если коллектив сто раз неправ! А тут открытое противопоставление себя всему взводу! Теперь ему приходилось возвращаться в строй.

Вот горе!

Мамонов подошёл к первой шеренге, его место, как я сказал, было за мной. И по уставу я должен был пропустить его, сделав полшага вперёд и шаг вправо. Я стоял, не шелохнувшись. Витька попытался протиснуться в строй справа от меня – и я подался вправо! А Генка Новошилов тоже прижался ко мне своим мощным плечом, не пропуская штрейкбрехера в строй на его место. Мамонов не понял, переместился влево от меня – и я подался влево. Но Юра Гонтаренко, стоявший по левую руку, сразу не сообразил, посторонился и Витька, нажав на меня плечом, втиснулся в шеренгу и стал у меня за спиной.

Ёсипов стоял, как спущенный мяч, не зная, что предпринять.

— Напра-во, — наконец, выдавил он из себя. — На выход шагом марш.

Мы вышли на улицу.

— Становись. Взвод, равняйся.

Никто команду не выполнил. Все стояли «вольно».

Наши сержанты находились во главе колонн своих отделений. Мусиевич и Халамов не оборачивались; Сидодченко, Павличко обернулись на свои отделения.

— Ласетный, — апатично бросил Павличко. — Между прочим, равняйся, команда была.

Но делал замечание как-то вяло, неохотно, скорее, для ушей Ёсипова.

Вова Ласетный, к которому была обращена эта сентенция, вместо того, чтобы повернуть голову вправо, покраснел, но поднял свой шнобель вверх и повернул чуть влево.

— Смирно, — командует Ёсипов.

Все продолжали стоять «вольно».

— Шагом марш, — обречённо бросает сержант.

Взвод тронулся, но не сделал положенных первых три шага строевым! Кажется, пошли даже не в ногу!

— Раз. Раз. Раз, два, три. Взяли ногу. Песню запе-вай.

Он что, больной? Мы его команды «равняйся» и «смирно» не выполняем! А он хочет, чтобы мы ему строевую песенку спели!

Разумеется, эту команду мы тоже проигнорировали! Вероятно, у сержанта был расчёт, что кто-то, типа Мамонова, не выдержит, затаит песню, остальные подхватят — никуда не денутся! Не тут-то было! Повторять ошибку Слона никто не пожелал! Мы так и шли — молча и вольным шагом!

И Ёсипов не знал, как дальше быть, что делать? Мы впервые со времени зачисления в училище шли строем не в ногу!

Наверное, сержант молил бога, чтобы такое безобразие под его руководством не увидел кто-нибудь из курсовых офицеров! Тогда мифу о его исключительной требовательности придёт конец!

Союзником замкомвзвода были сгустившиеся сумерки. Как всегда, внезапно.

По центральной аллее дошли до КПП училища. Дальше идти было некуда.

— Стой, — мы остановились. — Напра-во.

— Налево! — разнеслось шёпотом по строю.

— Налево!

— Налево!..

Большинством повернулись налево. Наши сержанты и те, кто сделал вид, что якобы не сообразил, повернулись направо, но потом и эти развернулись так, как стояло большинство. И теперь весь взвод стоял к своему младшему командиру ж*пой!

Пришлось Ёсипову униженно обходить строй и становится к нам лицом к лицу.

На замкомвзвода было жалко смотреть: жалкая, виноватая маска-полуулыбка, лицо будто парализованное, в глаза не смотрит — взгляд блуждает где-то по носкам наших сапог.

Как многие сдержанные в проявлении своих чувств и очень уверенные в себе люди, наш сержант компромиссов не переносил. А тут надо было на них идти: что-то объяснять, что-то обещать, что-то менять в своём поведении. По всей видимости, к этому всё шло. Иначе эту проблему было не решить. Взвод закусил удила, с этим трудно было что-то поделать.

— Вы же знаете... Дисциплину все в училище требуют... Требуют её, прежде всего, с меня... И других младших командиров... Я должен требовать дисциплину с вас...

Строй молчал.

Не зная, что говорить дальше, Ёсипов забубнил снова:

— Дисциплину все офицеры училища требуют... Понимаете? В начале требуют её с меня...

— А мы не против воинской дисциплины! — громко и отчётливо проговорил я. — Но это не значит, что курс молодого бойца у нас должен продолжаться вечно! До самого

выпуска!

— Ёсипов! Когда кончатся эти бесконечные придирки? — резко из строя спрашивает Володя Рубан. — Что мы тебе, мальчики для битья!

— Вот видите. Это одни и те же лица. Кручинин, Рубан. Из-за них страдает весь коллектив.

Тут же из строя слышались голоса:

— Да какие лица!

— Эти лица правильно тебе говорят!

— Какой коллектив!

— У нас его нет! Из-за тебя, Ёсипов!

Я обернулся на голос. Последнюю фразу выкрикнул Женя Щербаков. Глаза у Евгения блестели сатанинским огнём и полны были безоглядной решимости. С таким выражением лица только мужиков на кулацкий бунт поднимать!

Остальные младшие командиры (Сидодченко, Павличко, Мусиевич и даже Халамов) молчали – им против коллектива было идти тоже не резон: получить коллективное неповиновение в отделении – подарок не из приятных, можно и с должности слететь. Да Ёсипов своими придирками и им, видимо, изрядно поднадоел!..

Я пытался считывать состояние сержанта с его облика. Таким жалким Ёсипова было больно видеть. Мне показалось, что подай кто-нибудь сейчас команду: «Голос!» и замкомвзвода взвоят! Он снова стоял, будто обгадился.

Наткнувшись на дружный отпор, ему пришлось отрабатывать назад. Он дал слово, что больше никого зря ни разу не накажет, что придирки по мелочам прекратятся. Нас эти обещания устраивали. И мы в свою очередь пообещали хорошо ходить строем и соблюдать дисциплину при курсовых офицерах.

Тут под конец разговора вперёд из строя снова вырывается Мамонов.

— Ребята! Извините меня, что я так... тогда... по команде Ёсипова... Извините!.. Побежал отбиваться... Я просто... Простите!.. Я не знаю, как это у меня вышло!.. Ребята!.. Простите!..

На Витьку тоже было жалко смотреть, он чуть не плакал! Наш бойкот ему не выдержать! Может, он просто был дисциплинирован? Может, слишком старателен? Помнится, на курсе молодого бойца он тщательно приветствовал всех старших по званию, включая ефрейторов-сверхсрочников! Я это говорю не для того, чтобы посмеяться над этим или упрекнуть! Может, в армии так и надо? Может, мы все такими должны быть? Но его фраза: «Да ну вас!» – это было слишком! А теперь он извинялся. Возможно, Слон всё понял?

И я не выдержал первым (повторяю: уж больно жалко было смотреть на своего соседа! Да и парень он, в общем-то, не плохой!):

— Ладно! Чего уж там!

Считая, что инцидент исчерпан, и он заслужил наше прощение, Витька Мамонов облегчённо вздохнул и шагнул в строй.

Назад, в казарму мы уже шли в ногу. А при подходе к казарме так чётко по команде Ёсипова чеканили шаг, что на нас удивлённо смотрели в окна курсанты из других взводов. Нашего разговора они не знали и, по-видимому, они решили, что сержант нас обломал. Откуда они могли знать, о чём мы у КПП говорили!

...Поначалу наш договор соблюдался – Ёсипов перестал заниматься придирками, мы чётко выполняли его команды. Уж тем боле при офицерах курса. Так Ёсипов у

командования курса прослыл умелым и требовательным младшим командиром.

Однако наши «женевские договоренности» у КПП были у Ёсипова как кость в горле. Он стремился, во что бы то ни стало вырваться за эти рамки. Тогда мы этого не понимали.

Постепенно он нашёл выход. Ёсипов из наших рядов выделяет небольшое меньшинство. «Избранные» были всегда хорошими. Все остальные – плохими. Так этот мужлан расколол взвод на два лагеря. «Хорошим» всё прощалось. «Плохим» – ни одной мелочи! Вскоре «рабочая аристократия» стала нападать на неорганизованных: что вы, мол, выступаете на командира; он – нормальный человек! Если бы вы не выступали, и он бы вас не трогал! Когда мы опомнились, было уже поздно – во взводе уже не было прежней монолитности! Кроме всего прочего, добавилось ещё одно: нас стали отпускать в увольнение. Опасаясь за увольнения, выступления против Ёсипова прекратились.

Что ж, посмотрим, сколько это может продолжаться...

Кстати, тот наш случай был последним на нашем курсе, когда сержанты устраивали курсантам «сон-тренаж». После этого повторить ошибку Ёсипова уже никто не хотел.

••>> ...Прошло много лет после этого случая. Я уже офицер, военный лётчик, прослуживший в армии почти 30 лет. Но до сих пор не могу понять, зачем нас было учить укладываться спать за 45 секунд?? Ни в Уставах ВС СССР, ни в одном положении или приказе по армии нет такого требования! Я ещё могу понять: личному составу подняться по тревоге за 45 секунд! (Чтобы побыстрее покинуть казарму, пока её не разбомбили; чтобы занять оборону; чтобы успеть перехватить противника!) Но укладываться спать за 45 секунд, это у меня в голове «не укладывается!» (Простите за тавтологию!)

Даже посмотрим с другой стороны! С точки зрения здравого смысла и гигиены!

Вот после вечерней проверки курсанты готовятся ко сну. Мы раздеваемся, чистим зубы, моем ноги, шею, умываемся. А потом, согласно придуманному Ёсиповым и другими подобными держимордами положению, мы должны одеться по полной форме – то есть сунуть ноги в сапоги с несвежими портянками, одеть пропахшую потом гимнастёрку, хотя шея, грудь, подмышки да и ноги уже вымыты, и стать в строй, ожидая благословенной команды сержанта, чтобы снова раздеться, на этот раз за 45 секунд, и успеть нырнуть под одеяло! Потом, если Ёсипову нравилось, как мы, изображая торопыг, укладывались в отведенное время, нам, так и быть, дадут команду встать, аккуратно сложить на табурете возле своей коечки обмундирование и, уже не спеша, лечь в постель с испачканными ногами и прочими частями тела. И не вздумай подниматься! А ведь, бывало, что Ёсипов и Ко – проще перечислить парней-сержантов, которые этим не занимались! – подъём-отбой устраивали курсантам по несколько раз за вечер! А зачем же тогда перед сном мыть ноги и всё остальное? Я всё время удивляюсь, как тому же Ёсипову и иже с ними не пришла в голову мысль учить нас оправляться в сортире по малой и большой нужде за 45 секунд?! А почему бы и нет? Если можно изгаляться над личным составом, заставляя нас ложиться спать за 45 секунд, то почему бы не заставить подчинённых оправлять и физиологические потребности за это же время? А вдруг пока мы сидим над очком в позе «орла» и ср*м, коварный враг нападёт на Родину, а мы ещё не опорожнились и не готовы!..

Или вот ещё. Наша строевая подготовка после поступления в училище на курсе молодых солдат. Ёсипов вдруг начал требовать с нас, чтобы по команде «На месте шагом марш!» колено поднятой ноги поднималось до уровня «прямой угол» бедра по

отношению к опорной ноге. Устав требует, чтобы по этой команде военнослужащий шаг обозначал поднятием и опусканием ног, при этом ногу следует поднимать на 15-20 см от земли! А когда выполняешь требование Ёсипова, то нога отрывается от плаца на полметра! Мы показываем Ёсипову устав: смотри, мол, что ты от нас требуешь – вот рисунок, а вот текст! «Нет, — канючит наш младший сержант, — должен быть прямой угол, а бедро поднятой ноги располагаться параллельно земле». Устав ему по х*ю! Очевидно, бывшему стройбатовцу доставляло удовольствие видеть, как по его команде весь взвод даёт друг другу коленом подж*пники!..

Вывод: иначе, как глумлением и издевательством над молодыми парнями со стороны наших сержантов такой 45-секундный отбой или такую строевую подготовку назвать нельзя!

Я недоумеваю, как мы выполняли подобные команды! Почему не пошли с этим в политотдел, не подняли этот вопрос на комсомольском собрании, не спросили об этом начальника курса на вечерней проверке? Но мы все хотели стать военными лётчиками и поэтому всё терпели! А Ёсипов и остальные этим пользовались и себе на потребу издевались над нами!

А посему, уже будучи офицером, заступив дежурным по полку или в качестве ответственного присутствуя на вечерних проверках либо утренних подъёмах солдат эскадрильи, я всегда жёстко пресекал такую «учёбу» со стороны отдельных прапорщиков и сержантов. Потому как правильно писал Блез Паскаль: «Справедливость должна быть сильной, а сила – справедливой».

<<••

Usque ad absurdum⁴ *Просто невероятно, как сильно могут повредить правила, едва только наведёшь во всём слишком строгий порядок.* Георг ЛИХТЕНБЕРГ <<
□ ><<□ >>

<□ >
— *Всё это меня начинает раздражать!*
□□□□□ — *Ты не одинок!* Из америк. худ. сериала «Андромеда»
<<□ ><<□ >> <□ > *О характере человека можно судить по тому, как он ведёт себя с теми, кто ничем не может быть ему полезен, а также с теми, кто не может дать ему сдачи.* □□□□□ Из неопровергаемых истин <<□ ><<□ >>
<□ >

Человека выказывает власть.

ПИТТАК
<<□ ><<□ >> □□□□□ <□ > *Чтобы делать добро, надо прежде всего им обладать.* АРИ
СТОТЕЛЬ
<<□ ><<□ >> <□ > — *Ваша безнравственность имеет хоть какие-то границы?*
□□□□□ — *Нет!* Из франц. худ. к/ф-ма «Агент 117: миссия в Рио» <<□ ><<□ >> <□ >
— *Когда человек молод, ему так легко различать добро и зло. Но с возрастом это становится всё труднее. Злодеи, герои – всё сливается.*

Из худ. к/ф-ма «Квант милосердия»

<< >><>< >>

< > —

*Ты живешь в моём доме, поэтому ты должен делать то же, что и я! Мажь сало маслом...
А теперь сало на сосиску!*

□□□□□ — *Но, папа, печень болит!*

□□□□□ — *Я сказал: ешь!!!* Из америк. худ. к/ф-ма «Симпсоны»

<< >><>< >> < > — *Правил нет, пределов нет.*

□□□□□ — *Да, в ход идёт что угодно.*

□□□□□ — *Нет, не что угодно! Я сказал: «правил нет»!* Из америк. худ. к/ф-ма «Чёрные книги» («Книжный магазин Блэка»)

<< >><>< >> < > *Все пчёлы прилетали с мёдом, а одна – такая маленькая и
такая вредящая – с дёгтем...* Из современных сказочек

*Никто не ограждён от возможности сказать глупость. Беда, когда её высказывают
обдуманно.* Мишель де МОНТЕНЬ

...Идут практические занятия по теоретической механике. Обычно лекции читаются по взводам, а практикум проводят по классным отделениям. Но сегодня было исключение: Преподаватель Должина заболела и нас на практикуме свели вместе с 204м классным отделением.

И сейчас, во время занятия по термеху получил замечание от преподавателя – пытался подсказывать Юрию Белобородько, которого вызвали к доске. И не то, чтобы мы сдружились – он высокомерен и смотрит на всех свысока. Просто у нас в казарме

коечки рядышком, и я по-товарищески хотел ему помочь.

Но тут клинический случай. Юрий всё равно ничего не схватил, даже когда мои подсказки достигали его ушей. Смотрел на меня, хлопал глазами и всё время переспрашивал:

— Что?.. Что?..

Собственно, поэтому меня и засёк препод, т.к. пришлось одно и то же подсказывать Бороде несколько раз! Если бы он знал, да забыл, он бы ухватил мои подсказки с первого раза!

Белобородько получил свой очередной двояк. И на перерыве, проходя мимо меня, со злостью бросает:

— Юра! Следует подсказывать, как надо! А то бормочешь, ни хрена не понять!..

— Ах, я ещё и виноват! Ну, извини, непонятливый ты наш!

Кстати, эти свои обвинения мне Белобородько проговорил громко, не столько для меня, сколько, видать, для всех курсантов, что не успели выйти из аудитории, чтобы все слышали: он не тупица, а просто некоторые военные ему не так подсказывали!

Правильно говорили на Руси: *«Не шепчи глухому, не мигай слепому»!*

Сентенции нашего вечного двоечника слышал Володя Ласетный. И обняв меня за плечи, по пути из класса он мне громко (чтобы и Белобородько, значит, слышал) сказал:

— Юрик, что ты Бороде пытаешься подсказать! Он же баран! Стоял, делал вид, что не услышал, что ты ему подсказывал. Весь взвод слышал, а он нет! Да Борода просто не знает, как всё это применить! Он же тупой, как два сибирских валенка!

Белобородько, покраснев, пошёл в другой конец коридора.

— Как два украинских пенька! — смеётся стоящий рядом Женя Щербаков, имея в виду, что Юрий из Днепропетровска. — Вовка прав! Ты же видишь, как он учится!

— Мужики! На что он рассчитывает – не знаю! Или Борода ж*пой думает⁵?

По-моему, он вообще по термеху не учится! — отвечаю, пожимая плечами.

Евгений хмыкнул:

— А по матанализу учился? По аналитической геометрии учился? По физике? А ему всё по х*ю⁶! Ну, выкрутился же у Завары по высшей математике! Совсем ни х*я⁷ не знает, а «тройку» получил, со второго захода. Или с третьего, неофициального. А, может, и с четвёртого! — смеётся Щербаков. — И здесь проскочит, не переживай!

— С пятого. Мне Людмила Ивановна говорила!

— Ни х*я себе⁸! — восклицает Вовик.

— Как-то мы стояли у буфета. Я пил ситро, она – кефир. Мимо прошёл Белобородько. Я удивлённо проводил его взглядом: чего это он не поздоровался с преподавателем? Моё удивление перехватила Завара и сказала, что он с ней с тех пор не здоровается, как она ему еле-еле вывела-таки с пятого раза «тройку» по матанализу. А теперь даже когда встречаются лицом к лицу в коридоре, её не замечает. Или делает вид, что на стенах висят очень интересные стенды, или просто отворачивается!

— Гм, ты смотри, Белобородько какой! — удивляется Щербаков.

— А вот если бы он до сих пор висел у неё на крючке, то здоровался бы! Да ещё по несколько раз в день! — серьёзно говорит Вовик.

— «Здра-а-асьте, Людмил-Ванна!», — изображает Женька с поклоном и снимая невидимую шляпу. — Потом забегаёт перед ней и опять: «Здра-а-асьте, Людмил-Ванна!»

— Вот-вот! Что-то в этом роде! — поддакнул Ласетный.

— Или ещё вариант! — добавляю я. — Если б при пересдаче она бы ему за его «заслуги» поставила столь вожделенную «четвёрку», которая вообще для него недостижима как горизонт. Да ещё восхитилась бы: «Белобородько, вы такой умный! Я же вижу! Просто немножко подзабыли математику...»

— Мгм! — говорит Вовик. — И он представляет, как приходит в казарму, Галага у него спрашивает: «Ну как, сдал?» А он так небрежно: «Да! Четыре бала!» И бросает свою зачётку на кровать.

— Никто не верит, всё отделение сразу кинулось к его зачётке, — добавляю я. — Открыли и ахнули: действительно «четвёрка»! И все тут же удивились: вот это Белобородько! А мы думали, что он дурак!

— Во-во! Тогда бы он с Заварой здоровался! — подтверждает Володя.

Оказывается, не один я подметил в Бороде такие черты, они и другим бросаются в глаза! А я думал, что «глазастый» только я, который ведёт курсантский дневник.

— Альфред, помнишь, как он перед ней лебезил на первом курсе? Противно было смотреть! — обращается ко мне Ласетный.

У нас «Альфредом» и «Фредом» меня называет только он, временами мой сосед по тумбочке в казарме Витька Мамонов и иногда Саня Котеевский, когда злится на меня.

Я не возражаю. В конце концов, это не самое обидное прозвище.

— Ну, это, конечно, вынужденная мера была с его стороны – знаний-то нет! Как ещё сдавать экзамены?

— Вот! А теперь он её ненавидит, за то, что ему пришлось перед ней пресмыкаться! А, быть может, и нас не переваривает за то, что мы всё это видели! Как-никак, свидетели!..

— Да, у него получается учиться только по общественным дисциплинам...

— А что тут сложного? — удивился Евгений. — Вся история КПСС сводится к: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!» Ленин родился в 1870, умер в 1924! Вторая Мировая война началась в 1939, мы её не хотели! Великая Отечественная – в 1941, нам пришлось защищаться! «За Родину, и в облака!» Закончили нашей победой в 1945. Если к нам сунутся, мы им ещё дадим! И дату последнего съезда КПСС знай! Вот и всё!

Мы посмеялись.

Мои товарищи в отношении Юрия были правы. Дело в том, что Белобородько действительно учится еле-еле. За сессию меньше двух «неудов» никогда не бывает. По итогам первого курса он ни одного экзамена по точным наукам с первого раза не сдавал! Ни одного! Юрий уже не знал, что придумать. Поначалу даже на экзамены пытался просто не ходить, наивно полагая, что преподаватели военного ВУЗа будут его разыскивать и уговаривать придти. Он сделает им такое одолжение, и они за это поставят ему «троечку». Не сработало: преподаватели, закрывая экзаменационные ведомости, за неявку ставили ему «двойки», без всяких уговоров. Белобородько на экзамены стал являться, однако показывал такие знания (вернее, их отсутствие!), что преподы хватались за голову и в ведомости тут же выводили жирный «неуд», не желая ничего дальше слушать.

В общем, Борода всё время на грани отчисления: получит официально третью двойку – вылетит из ХВВАУЛ автоматом! Может, поэтому он мечтал стать комсомольским боссом, чтобы это как-то помогло ему сдавать сессии без проблем?

Однажды на первом курсе Юрий после отбоя (наши койки стоят рядышком) вдруг начал полушёпотом допытываться у меня: может ли помочь членство в комсомольском

бюро и должность секретаря при сдаче зачётов и экзаменов?

— Ну, если заниматься комсомольской работой “по-настоящему”? — говорил он.

Меня эта тема не интересовала, я попытался отделаться общими фразами, но Борода всё время возвращался к этому предмету.

Помнится, тогда настойчивость разговора меня удивила. Но его можно понять — Юрий усиленно искал выход: как сдать свои совсем неудовлетворительные знания, хотя бы на «тройки»! Вот и строил такие прожекты у себя в мечтах.

...Как-то на матанализе преподаватель Людмила Ивановна Завара, видя, что в интегральном исчислении Белобородько ни в зуб ногой, написала на доске простые алгебраические дроби в виде произведений квадратов сумм, квадратов разниц и разниц квадратов, предложив Белобородько упростить это выражение. (Надо было всего лишь разложить на множители и сократить одинаковые аргументы в числителе и знаменателе.)

Борода стоял у доски, рука с мелом — тыльной стороной у рта. И усиленно делал умное лицо — единственное, что он в той ситуации мог делать. Всё время отчётливо бормотал, вроде для себя, а на самом деле для ушей преподавателя:

— Надо... — рука с мелом тянется к доске и тут же одёргивается. — Нет!.. А что если?.. — повтор того же жеста. — Тоже не подходит... Вы знаете... тут можно... — опять тот же жест. — Нет... Не выйдет...

Он абсолютно не знал, что надо делать с этими дробями! И думал, что это его бормотание обманет Завару и покажет размышление *знающего* курсанта.

Тогда Людмила Ивановна, чтобы для себя окончательно прояснить ситуацию, написала дробь, где в числителе было просто произведение аргументов: a, b, c, d, x, y (некоторые возведены в квадраты, кубы, биквадраты и шестые степени), а в знаменателе произведение тех же букв, в других степенях и в другом порядке. Никаких формул, никаких сумм и разниц! Надо было в этом выражении просто сократить одинаковые величины, и всё! Это можно было сделать даже в уме. И получить дробь в виде

$$\frac{ax}{2}$$
$$\frac{/by}{2}$$

.

Борода не смог и этого! Он опять «размышлял» сам с собой и ждал, что преподаватель подскочит, решит пример сама, а он своим поддакиванием покажет, что думал сделать тоже, вот только его опередили!..

Но здесь не надо быть психологом, чтобы понять: у парня с математикой очень крупные проблемы!

— Белобородько! Как вы поступили в училище с такими «знаниями» по математике? — удивляется Людмила Ивановна.

А Юрий вообще не поступал. Он перевёлся в ХВВАУЛ с какого-то гражданского ВУЗа, строительного, что ли, где он вроде бы учился и якобы на вечернем. В этом случае по переводу вступительные экзамены не сдаются, просто предоставляется академическая справка. Как он туда сдал вступительные экзамены — загадка! Когда он туда поступал в 1969 г., там, видимо, был существенный недобор. Настолько существенный, что его взяли и с *такими* знаниями по точным наукам! Иначе, как же он

туда пролез? И как ему вообще пришло в голову поступать в инженерно-строительный? Ведь в этих ВУЗах всё сплошь на математике! Разве что надеялся на перспективу перевода в наше училище! А, может, такую справку Борода приобрёл? Не знаю! Это моё предположение, не более того! Ибо что-то не верится, что абитуриент, который не может сократить алгебраические дроби мог вообще как-то сдать вступительные экзамены по математике письменно и, тем более, устно!

Но ведь и в нашем училище базовые предметы тоже основаны на высшей математике!..

— Нет, Белобородько, я не могу больше тратить на вас время всего классного отделения, — проговорила Завара. — Я ставлю вам двойку. Но и это слишком много для вас! Однако в высшем военном училище ниже оценок, к сожалению, не предусмотрено!

— А что, можно и ниже? — пытается острить Юрий и глупо хихикает своим бархатным баском. («Ох уж, Людмила Ивановна, вы такая шутница, такая шутница!» — вот что нужно было прочесть «за кадром».)

— Вы даже «кол» не заслуживаете! — безжалостно режет Завара. — Если бы можно было, я бы вам поставила «ноль»! Вы не знаете элементарной математики, той же алгебры, которую знают школьники в седьмом классе! В школе, Белобородько, вы были лодырем! То, что у вас не получалось, вы не учили вообще! Садитесь! Придёте ко мне на самоподготовке!

В дневниковой записи за первый курс я отметил, как Юрий в тот день шёл на своё место, не поднимая ни на кого из нас своих глаз. Глупой улыбкой он пытался прикрыть бушевавшую в нём ненависть. Как его это унижало – те, кто на целый год был младше, вдруг могут сказать, что знают больше его!

А вот по общественным дисциплинам, где не нужно особо напрягаться, у Юрия действительно всё тип-топ. Но одного этого для занятия в высшем военном училище не достаточно! Нужны базовые знания по математике, физике, которых у него не было. [Поэтому впоследствии у Белобородько ничего не выходило с теоретической механикой, аэродинамикой, теорией реактивного двигателя, сопромоматом, конструкцией и прочностью самолёта, теорией вероятности и боевой эффективности – где фундаментом были математические знания и физические законы.]

Точных наук Белобородько откровенно боялся, видя в них угрозу своим прожекам и мечтам. А в мечтах, судя по сему, он сам себя возносил очень высоко!

Со стороны иногда посмотришь на Юрия – барин! Снисходительный взгляд с высоты своего величия на всех и во всём. Хотя никаких оснований для такого поведения у него нет!

В мои записки за первый курс попали и такие наблюдения.

В конце курса я стал замечать, что Белобородько время от времени, когда он был дневальным по курсу (всего лишь дневальным!) подгадывал момент так, чтобы ему, когда все строятся на обед (или на ужин), пройти из одного конца коридора в другой. И протечь отсюда – туда обязательно перед строем! И он проходил. Да не просто проходил – шествовал, важно посматривая на строй со стороны. Так на товарищей не смотрят, так оглядывает подчинённых высокое начальство! Очень высокое!

Однажды было очередное построение перед обедом в казарме. А Белобородько опять был дневальным по курсу, и, разумеется, в строю с нами не стоял. Не знаю, то ли действительно ему в этот раз нужно было пройти от нас в коридорчик дневального, то ли снова (что, скорее всего) специально выждал этот момент, но Борода, как всегда,

важно пошёл перед строем.

В тот день то, как он проходил, заметил не только я. Сидодченко, засмеялся и переглянулся с Галагой:

— А Белобородько-то! Смотри, смотри! Поплыл!

Петро тоже усмехнулся на все свои тридцать два зуба! Генка Новошилов, который стоял во второй шеренге рядом со мной, не смог сдержать своего тихого ржания, ткнул меня локтем в бок, показывая глазами на Белобородько. Я лишь брезгливо поморщился. А Геша склоняется ко мне и говорит:

— Неужели Борода не понимает, что со стороны всё прекрасно видно? Неужели не чувствует, что в наших глазах он выглядит напыщенным индюком и идиотом?

Я горько усмехаюсь:

— Дурак счастлив тем, что не знает того, что он дурак! И не подозревает, что его глупость со стороны видна другим!

На мои слова обернулся Сидодченко, кивнул мне, что мол, согласен со мной.

Но в тот раз Белобородько крупно не повезло. Старшине первой роты Ласенко, строившему курс, Борода помешал оглянуть строй из конца в конец. И он шикнул на важничавшего дневального перед курсом, стоящим в строю:

— Чего ты перед строем идёшь?

Тот потемнел лицом:

— Да я дневальный! Мне надо...

— Дневальный? Вот и иди за строем, если надо!

Белобородько сник, будто раздавленный сморчок, даже плечи опустились. Вперив взгляд в пол, он, улыбнувшись своей глупой улыбкой, нырнул за строй и прошёл, куда ему «надо», уже ни на кого не поднимая глаз.

Вероятно, это у Белобородько был элемент игры – чуть-чуть быть ближе к своим прожекам и мечтам, в которых, судя по всему, он себя возносит очень-очень высоко!

••>> [Много позже в разведкадемии специалисты по специальным разделам психологии и поведению людей будут мне внушать, что *«в серьезных делах люди выказывают себя такими, какими им подобает выглядеть; в мелочах – такими, какие они есть на самом деле»* .] <<••

Откуда такие амбиции? Не знаю! Держится обособлено, почти ни с кем не сходитя: ведь он же на целый год старше нас, чего же ему с нами дружить! [Теперь думаю, что это был тоже элемент вынужденного поведения: чтобы при близком и продолжительном общении никто не обнаружил и не рассказал другим, что Борода – до неприличия тупой...] А тот разговор со мной насчёт общественно-комсомольской деятельности был исключением. Прорвало! Да и надо же было ему хоть у кого-то найти подтверждение своим мыслям!

...Если в споре Юрию не хватает аргументов, он отходит, снисходительно улыбаясь, и говорит:

— Что с тобой говорить, детский сад!

Оппоненты должны после этого понять: у Белобородько, конечно же, есть, что ответить, но он свои доводы приводить не будет, так как по малолетству мы всё равно их не поймём!

Более-менее отношения у Юрия с Галагой, да и то, постольку-поскольку. Ведь Галага не младше, а старше его (на год). И потом Пётр сейчас командир нашего отделения. А это всё-таки может пригодиться.

Когда преподаватель, Галага или кто-либо, от кого зависит учёба или служба Юрия, рассказывает что-нибудь смешное, Борода начинает смеяться самым первым и громче всех. А потом, качая головой и продолжая делано хохотать, не забудет добавить:

— Хороший анекдот! Я такого ещё не слышал!..

Так посмотришь, Белобородько рассуждает вроде здраво. А иногда загнёт такое, что только удивляться приходится!

Как-то зимой на первом курсе в «Комсомольской правде» было напечатано интервью с бывшим японским лётчиком-камикадзе, случайно оставшимся в живых в конце войны. Весь курс обсуждал эту публикацию. Во-первых, там подробно освещался процесс подготовки пилотов «священного ветра».

Расскажу об этом немного поподробнее.

После зачисления в школу камикадзе зачастую практиковалось такое «упражнение»: курсантов выстраивали в шеренги один перед другим. По команде командира: «Раз!» левые со всей силы бьют в морду правым. По команде: «Два!» правые лупят левых.

«Упражнение начи-най! Раз! Два!.. Раз! Два!..»

И так, пока полы казармы не умоются кровью!

При обучении лётному делу будущих смертников в основном обучали только взлёту и целенаправленному пикированию. Посадке учили лишь постольку, поскольку надо было ещё худо-бедно садиться для дальнейшего обучения. Одно из выпускных экзаменационных упражнений заключалось в том, что надо было пикировать на полуразрушенную башню, и вывести над ней на высоте, не более трёх-пяти метров! Если курсант выводил выше, его позорили перед строем, потом ему давался следующий полёт. И так, пока не будет достигнуты зачётные «не выше трёх-пяти метров». Живой камикадзе рассказал нашему корреспонденту, что были и такие ребята, что не выдерживали позора перед строем своих товарищей. И тогда они пикировали на башню без вывода и погибали в ней. Поэтому она была полуразрушенная!

Этому, тогда ещё молодому парню просто повезло: перед самым вылетом пришло сообщение о капитуляции Японии и команды на взлёт не последовало. А вот два его товарища за несколько минут до того взлетели. И, понятное дело, не вернулись...

Следует добавить, что камикадзе сажался в кабину самолёта, начинённого взрывчаткой, без парашюта, фонарь кабины завинчивался намертво, а после взлёта колёса его самолёта «отпадали», оставались лишь неубирающиеся стойки шасси. В этом случае, сесть на вынужденную было просто невозможно: при такой попытке – капотирование, неизбежный взрыв, гибель! Даже это было предусмотрено!

Ну так вот! Белобородько нам, с Ласетным в классе, когда мы остались втроем и выдал:

— Какие же дураки, эти японские камикадзе! Сообразить не могли!

Мы с Володей удивлённо посмотрели на Бороду, ожидая разъяснений.

— Взлетел, — продолжает тот, видя наше внимание, — нашёл себе обрыв покруче, снизился. И впритык – р-р-раз! — показывает ладонью, относительно торца стола, который должен был изображать обрыв. — Стойки шасси без колёс остаются в обрыве, а ты уже можешь садиться аккуратно на «брюхо»!

Мы с Вовкой переглянулись – может, он шутит? И дураку ясно, что вместе со стойками шасси в обрыве останется и весь самолёт вместе с лётчиком! А наличие

большого количества взрывчатки на борту приведёт к неминуемому взрыву от детонации!

— Ты шутишь? — пытаюсь прояснить для себя ситуацию.

— Ты что дурак? Не понимаешь? — И Борода, в надежде найти поддержку, посмотрел на Ласетного. Снова показывает ладонью относительно края стола: — Р-р-раз, и всё! Только на большой скорости надо подойти! Очень большой! На максимальной! Понял? Обрезаешь таким вот образом торчащие костыли, а потом можно и на вынужденную идти на «брюхо» рядом с каким-нибудь селением. Там крестьяне помогут выбраться из кабины!

— Подожди, подожди! — говорю я. — Ведь торчащие стойки шасси сделаны не из бумаги, чтобы, пролетев впритык к твоему обрыву, можно их «обрезать», как ты это показал рукой! Это силовые элементы конструкции! Самолёт обязательно скапотирует, перевернётся и взорвётся! На это ведь и рассчитывали те, кто всё это придумал!

— Неужели тебе надо разъяснять такие простые вещи? — тоже удивляется Вовка. Белобородько посмотрел на нас двоих так, будто каждое его слово было божественным откровением, но которое мы в силу нашей недоразвитости понять не в силах.

— Да что вы понимаете! Детский сад! — засмеялся он своим бархатным смешком. И даже покачал головой.

Борода начинает собирать свои учебники со стола. Его лицо было серым и скучным. Ни сожаления, ни досады, что сморозил глупость, не проглядывалось.

Собрал книжки и конспекты со стола и горделиво, чуть подняв лицо вверх, не глядя на нас, выходит из аудитории. Ведь недалёкие люди живут по принципу – если нельзя возразить, то лучше и не продолжать разговор.

Я посмотрел на Вовку. Он повертел пальцем у виска и махнул в сторону Белобородько рукой:

— Безнадёжно!

Киваю в ответ:

— Как говорил Альберт Эйнштейн, *«Есть две бесконечности – Вселенная и глупость. Впрочем, я не уверен насчёт Вселенной»*.

Тогда с Белобородько я поймал себя на том, что в меня раздражает даже не то, что этот балбес и глупый индюк говорит тебе глупость, а то, что он считает, что ты можешь с его глупостью согласиться! Тупой человек ведь как тупой нож – вроде и вреда тебе большего принести не может, а раздражает.

...Но у Бороды есть и плюс! Когда в середине первого курса среди курсантов в курилке начался полшутливый спор на тему: «вот отделится Украина от СССР, тогда...», Юрий стоял на интернациональных позициях и в том споре на полном серьёзе вместе с другими доказывал, что Украина вне состава Советского Союза превратится в ничто – государство без веса и имени, а армия без должной подготовки!..

Probatum est ⁹ Дураку достаточно сказать, что он умный; но непроходимому дураку нужно ещё это доказать. Владислав ГЖЕГОРЧИК << >> < > В каждом человеке ровно столько тщеславия, сколько ему недостает ума.

Александр ПОП

<< >>< >>

< >

Когда книга сталкивается с головой – и при этом раздаётся глухой пустой звук, разве всегда виновата книга?

Георг ЛИХТЕНБЕРГ

<< >>< >>

< >

Любой фат подобен трясогузке.

Козьма ПРУТКОВ

<< >>< >>

< >

Вот – КТО ты есть! Но не забывай и о том – ЧТО ты есть!

Бернард КЛЕРВОСКИЙ

<< >>< >>

< >

Если сознание смотрит снизу вверх, то подсознание – сверху вниз.

Авессалом ПОДВОДНЫЙ

<< >>< >>

< >

Убеждения – шаткие, стремления – шланговые, зато гонору – как поноса у слона!

Из армейского юмора

<< >>< >>

< >

— Да, это от души. Замечательно. Достоинно восхищения.

Из худ. к/ф-ма «Формула любви»

<< >>< >>

< >

— Мне плевать! Пусть хоть все солнца погаснут, а Вселенная свернётся и погибнет!
Главное – я буду зрителем!

□□□□ — Тебе повезло! Скучать не придётся! Из америк. худ. сериала «Андромеда»
<<□><><□>>

Ad vocem!¹⁰

□ **ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ** <□>> Борода << <□> Глупость – это не отсутствие ума,
это такой ум. Небесспорное
утверждение

Нет, лётчиком-истребителем Белобородько так и не стал.

А вышло следующим образом...

Борода, как было сказано, учился еле-еле, со скрипом, с нескольких заходов сдавая все зачёты и экзамены по точным наукам, каковых было много больше, чем ему бы хотелось. На втором курсе ни шатко-ни валко отлетал с нами всю программу на самолёте Л-29. На третьем курсе с горем пополам завершил лётное обучение на боевом истребителе МиГ-17. Прошёл почти всю программу на истребителе МиГ-21пф. Однако лётчиком быть ему уже не хотелось – опасно! Мечталось о чём-нибудь более спокойном! Но что делать? Момент «списания» по нелётности был упущен. И Юрий придумал!

Однажды в Купянске на четвёртом курсе, при выполнении посадки на боевом самолёте он подошёл к точке выравнивания на повышенной скорости (как выяснилось потом по материалам объективного контроля, он всегда подходил к посадке на такой скорости, поэтому и садился с перелётом), а потом, резко схватив ручку управления на себя до упора, задрал истребитель на такой угол, что стесал электростатические разрядники на стабилизаторе о бетонные плиты ВПП!

Истребитель, потеряв скорость, грохнулся о континент и чуть не развалился – заклёпки на крыльях повыскакивали!

Мой рост – один метр 76 сантиметров. Когда МиГ-21 стоит на стоянке, щёточки электростатических разрядников стабилизатора мне будут на уровне глаз¹¹! Теперь вы можете представить: *какой* угол на посадке создал курсант Белобородько, что эти стержни были стёрты о ВПП? Но и это ещё не всё! Чтобы выдрать так самолёт, надо, как я сказал, ручку управления схватить полностью «на себя»! А это значит, что концевые части стабилизатора вместе с электростатическими разрядниками отклонятся вверх ещё на полметра! Понятна ситуация? Угол будет много больше того, что вы себе представили первоначально! Вот почему все лётчики-инструкторы и курсанты, кто видел ту посадку, тут же сунули руку в карман и зажали в кулаке по рублю – на похороны Белобородько!

Но Бороде повезло – всё обошлось без последствий! «Мигарь», как пишут иногда «авиационщики» из «Красной звезды», «резвясь и подпрыгивая, побежал к концу полосы...» Потом истребитель оттащили в ремонт, курсант отделался разносом командира полка. Как рассказывал нам замкомандира полка майор Помогайбо, только что вернувшийся из Купянска, где в одной из эскадрилий летал Белобородько (наша четвёртая аэ на последнем курсе летала на аэродроме Канатово, и он в неё не попал), полкач при разборе кричал:

— Ты, подонок, если передумал быть лётчиком, то так и скажи! Но жизнью-то своей рисковать зачем? Командиров своих подставлять зачем? Самолёт гробить зачем?

Борода, говорят, стоял и улыбался своей идиотской в той ситуации улыбочкой.

Дело в том, что у возмущения командира полка основания были! *Такую ошибку на посадке* *слу*
чайно

допустить нельзя! Это можно было сделать
только специально

! Причём Белобородько действительно здорово рисковал: достаточно было ему по ошибке выровнять истребитель на метр-два выше, да на таких углах иметь малейшее скольжение в любую сторону и самолёт, потеряв скорость, не слушаясь рулей, свалился бы на крыло и ударился бы кабиной о землю! И пилот сгорел бы на бетоне вместе с самолётом!

Вряд ли о такой возможности Белобородько думал, когда решался на подобный шаг! Имея отвратительные знания по аэродинамике (вернее, не имея их вовсе!), ему это просто в голову не приходило!..

Но повезло! Как говорил Франсуа де Ларошфуко, *«бывают случаи в жизни, выпутаться из которых может помочь только глупость»*.

От полётов Белобородько отстранили. Оставшиеся два месяца до государственных экзаменов он стажировался на офицера кадровой службы в строевом отделении полка.

А Бороде того и надобно!

Окончил училище, получил диплом о высшем образовании. Стал начальником строевого отделения в каком-то полку. Перебирал личные дела офицеров и прапорщиков, подшивал аттестации и характеристики, выписывал командировочные удостоверения, отпускные билеты и проездные документы. Но в то время должность начальника строевого отделения полка была капитанской. А майора получить хотелось! Поэтому, когда представилась такая возможность, где-то вовремя поддакнул, где-то подхихикнул, где-то рассмеялся громче всех над анекдотом, рассказанным начальником и пару раз заявил, что такого анекдота он ещё не слышал, и, таким образом, стал замначштаба. Начальники штабов полков тогда были летающими. А когда в верхах поняли, что работы у начштаба полка и без полётов хватает, их снова стали делать «нелетающими». Уж не знаю, какими путями, но на этой должности оказался майор Белобородько...

А ведь начальник штаба полка – это не только «Полк, равняйся!», «Смирно!», «Товарищ командир, полк для развода на занятия построен!», «Вольно, разойдись!» Это, прежде всего, организация боевых действий полка, подготовка предложений командиру полка по ведению БД!

Сейчас я думаю, как здорово повезло тому полку, что в наше время не случилось какой-нибудь заварушки, типа очередной мировой войны! Уж Борода-то наруководил бы штабом – кровью бы полк умылся!

Чтобы мои читатели поняли, насколько серьёзно то или иное решение командования полка при ведении боевых действий и насколько сложна работа штаба при этом, расскажу вам действительно случай из своей службы, напрямую не имеющий отношения к Юрию Белобородько, но который в этом смысле очень показателен.

Есть в кино такое понятие: отвлечение сюжета внутри сюжета. Вот и мы сейчас вильнём чуть в сторону! Иначе вам будет трудно понять, кто в том полку принимал решения, как и почему?

Stultorum infinitus est numerum¹²

□ **ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ** <□>>> «Фашист» <<<<□>

Давно это было. Полное давно! Из мыслей вслух

В то время я был начальником разведки полка. А командиром полка только-только поставили подполковника... Назовём его по кличкам, которые ходили в полку – и вы поймёте, каково было отношение личного состава к своему новому командиру. Первая была «Угрюмый» – за его свирепый вид и отсутствие малейшего проблеска мысли в голове. Вторая – «Фашист». Последняя кличка родилась из происшествия на конечной точке посадки, куда наши лётчики перегнали 12 самолётов. Угрюмый, как заместитель командира полка, был старшим группы.

Перегнали. Сдали машины. Транспортный самолёт должен был их забрать утром. И лётчики вечерком «перелетели» в местную достопримечательность – городской бар. Хорошо нагрузились все, благо канистра авиационного спирта была под рукой. Тут Угрюмый стал требовать у официантов для себя пива, которого почему-то в баре не оказалось. (По тем временам с пивом была напряжёнка.) И он устроил пьяный дебош с мордобоем официанта, битьём витрины и криками: «Как?! Я – подполковник, лётчик-истребитель! А у вас для советского лётчика пива нет!? Да вы здесь все – фашисты!..»

В общем, утром в милицию отдали две другие канистры спирта, которые пилоты хотели сами употребить дома, официанту заплатили, собрав деньги вскладчину, витрину компенсировали. А Угрюмого, ставшего после этого «Фашистом», из милиции в полугоризонтальном состоянии доставили утром к транспортному самолёту и все быстренько улетели домой. Фашист очень просил тех лётчиков не рассказывать никому про случившееся в баре. Ну, мужики и согласились! По-лётному, по-офицерски! Как потом выяснилось, себе и полку на голову!

Когда «старый» командир полка отыскивал себе должность в Москве (вернее, ему отыскивали родственники жены), командующий ВВС округа был против – на должность командира полка у него достойной кандидатуры не было, а со стороны он брать никого не желал. Тогда наш командир в лучших красках охарактеризовал Угрюмого-Фашиста! Да ему было всё равно, лишь бы уйти в Москву! Командующий посопротивлялся-посопротивлялся и согласился. Так Фашист стал комполка.

Ну и всем лётчикам, кто тогда был с ним на перегонке авиатехники, житья в полку просто не стало! Кого переводил в другие полки куда-нибудь к чёрту на кулички, кого гноил в вечных нарядах, те потом сами уходили куда-либо, кого, если мог, снимал с лётной работы за какой-нибудь пустяк, усилив сей пустячок до размеров вселенской катастрофы.

На первом этапе мне повезло – я свидетелем трансформации Угрюмого в Фашиста не был! Зато за год до возвышения Угрюмого катапультировался с ним из спарки из-за остановки двигателя в воздухе. В том полёте во время разведки погоды Фашист сидел в передней кабине как командир экипажа, я был – в задней, на месте инструктора. И после второго захода над огневым полигоном на предельно-малой высоте у нас отказал двигатель (высота была 170 метров, но зато скорость – свыше 1000 км/час, так что за жизнь машины можно было ещё побороться!).

Ну вот! Можете представить себе ситуацию: 170 метров, двигатель стоит, драгоценная скорость в той ситуации падает, а в передней кабине решения нет! Фашист

был настолько ошарашен происшедшим, что я из задней кабины, используя инерцию и переведя истребитель в набор высоты, еле докричался до него по СПУ¹³, так как запускать двигатель можно было лишь из передней кабины! (Или мне пришлось бы на свой РУД опускать стопоры. Это техническая тонкость, не будем о ней. Не об этом речь!)

Ну, ладно, о том, как мы четыре раза запускали движок, и как всё-таки я катапультировал себя и Фашиста, расскажу как-нибудь в другой раз, если будет к слову. А пока скажу, что мне после этого случая тоже при командире-Фашисте житья в полку не стало! И вскоре Фашист сделал так, что и меня из этого полка «ушли».

Так что, оказывается, надо ещё знать, с кем катапультироваться!

Потом мне психологи говорили: есть такая категория людей, которые постоянно думают о совершённых ими ошибках и всё время корят себя за них. Но если об этих их ошибках знает кто-то ещё, этого людям эти субъекты не простят ни!когда и ни! за! что!

Кстати, покидая полк, я Фашисту заявил прямо:

— Ладно, из полка, я, по вашей милости, вынужден уйти! Но и вы командовать полком долго не будете!..

Так оно и получилось. Хотя, в общем-то, я не пожалел о своём уходе, т.к. мне чуть позже предстояла интересная учёба, а потом и не менее интересная служба.

Но это, так сказать, фон.

Так вот. В ВВС округа ежегодно проводились недельные сборы руководящего состава всех авиационных полков, на которые привлекались: командир полка, начальник политотдела (в те времена как же без них!), начальник штаба, начальник разведки, старший штурман, начальник ВОТП¹⁴, начальник связи и начальник химслужбы – т.е. те офицеры, которые принимают участие в принятии решения командира полка на боевые действия (за исключением начальника политотдела, конечно!). Днём теоретические занятия, ночью КШУ¹⁵ – ведение боевых действий своими полками на картах: постановка задачи, вводные, подготовка предложений командиру, обоснование, принятие решения, доклад решения, проверка расчётов. И так всю неделю: днём – теория, ночью – опять война. Поспать удавалось только под утро. Через два дня днём на занятиях весь руководящий состав полков уже спит, чуть ли не вповалку в зале на столах. Полковники из Оперативного, Разведотдела или окружной прокуратуры что-то военно-теоретическое либо обзорное бубнят с трибуны, слушатели, для которых организованы занятия, дрыхнут. Если нет в зале командующего, разумеется. Если командующий присутствует, спят украдкой, сидя, делая вид, будто оч-чень внимательно слушают.

В последний день КШУ главная вводная: ведение боевых действий своими полками с применением ядерного оружия.

Ну, получили задание, сидим, оцениваем обстановку, готовим предложения командиру полка – каждый по своей службе. При прежнем командире, мы сидели вместе с ним, он слушал наши предложения, выдвигал свои. Мы обсуждали, просчитывали. Потом принималось оптимальное решение. Наш же Фашист почти сразу куда-то умыкнул.

Я подготовил свои предложения по разведке: охарактеризовал цель, возможные размещение и маскировка, наиболее уязвимые места, противодействие средств ПВО и истребителей «противника». И стал помогать в расчётах старшему штурману полка (бомбометание – это его епархия, а по применению спецбоеприпасов там расчётов

много!) и начхиму.

Через полчаса заскакивает Фашист и, не выслушав даже наших прикидок, с места в карьер:

— Значит, так! Бросьте всё и оформляйте пояснительную записку! Три группы: первая – расчистки воздушного пространства и подавления ПВО, вторая – ударная, третья – прикрытия. Это я утверждаю. Но дальше так: между группами столько-то, идут на такой-то высоте! Всё! Быстрее доложим – будем первыми!

Мы с начальником штаба переглянулись. Даже по грубым прикидкам, без расчётов выходило, что крайнее звено из группы прикрытия при предложенном боевом порядке может подпасть под разрушающие действия ударной волны и светового излучения своего же ядерного боеприпаса! И эти самолёты вместе с лётчиками просто обугливаются! Мы ж с НШ не новички на подобных КШУ!

Начштаба промолчал (ему надоело спорить с Угрюмым и получать от него втыки). А я взвился:

— Товарищ командир! А куда мы спешим? У нас ещё два часа 40 минут в запасе! Давайте, просчитаем, проверим! Так выходит, что наши самолёты могут попасть под поражающие факторы...

Меня грубо оборвали:

— Ты собираешься проверять командира полка? Я уже принял решение!

— Да вы понимаете, что в реальных боевых действиях это – гибель наших лётчиков!
— вырвалось у меня на повышенных тонах.

— Что за х*йня¹⁶? Что за тон? Что за крики!

— Я не кричу, товарищ подполковник, а убедительно излагаю свою точку зрения!

— Майор, не зарывайся! Здесь я командир полка! Делать, как я сказал! Всё!

Хлопнул дверь и ушёл.

Наступила неловкая пауза.

— Игоревич, не нервничай! — проговорил НШ. — Да чёрт с ним! Это армия! Он принял решение, пусть перед замкомандующим отчитывается! Ведь сейчас никто по этому решению реально не полетит! А, значит, и не погибнет!

— Владимир Игнатьевич! Вы думаете, он в реальной обстановке будет принимать решение иначе? Более взвешено и продумано? Он это и сейчас не умеет! А тогда и подавно! Когда этому учиться, как не теперь? А кто реально полетит по такой глупости себе на погибель: я, вы, он? Он и мы с вами на КП полка, в бункере отсидимся, а люди-то погибнут!

— Отсидимся! До военного трибунала! В камерах, может быть, и в разных будем! А вот к стенке нас поставят одной! И ещё неизвестно, кому больше повезёт: им, невернувшемуся с задания или нам! Семьям погибших хоть пенсию платить будут, а нашим семьям – шиш! Сначала шлёпнут его, нашего любимого Фашиста! Потом... Начальнику политотдела, кстати, тоже не отвертеться! За гибель полка-то!

— Это точно! — тяжело вздохнул начПО, подкрашивая линию фронта на карте жёлтым карандашиком.

— Ты что делаешь? — накидывается на него начштаба.

— Да вот, жёлтеньким раскрашиваю, чтобы чуть веселее карта смотрелась!

— Ты же всё испортил! Свои войска на картах только красным окрашиваются!

Противник – только синим!

— Да? А я хотел, как лучше!

— Бери резинку и стирай свой весёленький цвет! Еб*на вошь!

Мы все кидаемся спасать карту, и аккуратно удаляем ластиками жёлтый раскрас начальника политотдела.

— ...После начПО меня поведут приводить в исполнение, — продолжает Владимир Игнатъевич. — Ты, Игоревич, будешь четвёртым!

— А меня, за что? — всем сердцем возмутился я. — Вон мои предложения и информация по противнику, которые я подготовил по этой вводной! Всё тютелька в тютельку! Не подкопаешься! Пусть проверяют! А по решению... Я же предупреждал, что это гибельно для полка! Он меня слушал?

— Значит, плохо предупреждал! — буднично возразил начальник ВОТП. — Ты же сам рассказывал как-то у нас в кабинете о трагедии командования Западного фронта в 1941 году! Там расстреляли не только командующего фронта генерала армии Павлова и весь его штаб, но и начальника банно-прачечного комбината или кого?

— Начальника военторга! — поправил я.

— Ну вот! — вступает в разговор начПО. — Начальника военторга! А ты возглавляешь разведку полка, и хочешь увильнуть от расстрельного приговора за гибель половины полка? Не выйдет, дорогой! Ни твои знания, ни твоя подготовка здесь тебе не помогут!

— Ну и чёрт с вами! Хоть не видеть этого бардака!.. Хотя... Насколько я помню, в списках расстрелянных по Западному фронту, начальник разведки что-то не фигурировал! Кстати, политработники тоже!

— Ну, вот! Уже легче дышать! — удовлетворённо хмыкнул начальник политотдела и расправил свои широкие плечи. Потом громко выдохнул: — Мы с тобой, Игоревич, ещё повоюем! В отличие от некоторых военных, совсем обречённых!

— Игоревич, — склонившись над картой и нанося значки пунктов наведения, говорит начальник связи. — Как же мы без тебя у расстрельной стенки стоять-то будем? Без тебя там будет скучно! Но не рви себе нервы! Четвёртым шлёпнут меня! Традиция Красной Армии и советских особистов – расстреливать связистов в числе первых, сразу за начальником штаба! А ты пойдёшь за мной! Пятым! Или шестым после старшего штурмана: ядрёная бомба – это ведь его профиль!

— Спасибо, Юрий Иванович, вы очень добры! — говорю я. — Дай вам бог здоровья перед расстрелом!

— Мгм! — вздыхает начальник связи. — Я вот сейчас думаю: лучше бы ты ничего Фашисту не говорил! Я бы жил себе спокойно до последней минуты, думая, что всё у нас хорошо! А теперь война начнётся – глаз не сомкну, ожидая стук в дверь своей землянки!

— Единственно, кто останется в живых, — договаривает Владимир Игнатъевич, — так это, может быть, начальник ВОТП. Ибо Эдуард Петрович к ядерным боеприпасам отношения не имеет!

— Ё* твою мать¹⁷! — тут же откликается Эдуард Петрович. — Чуть было честного человека не угробили!

— Вот именно – «может быть»! И то вряд ли! — мстительно возражаю я. — Если боевые порядки полка потреплет ПВО противника, то... А начВОТП отвечает за воздушную, огневую и *тактическую* подготовку лётного состава! Значит, плохо готовил!..

— А точно ведь! — соглашается Владимир Игнатъевич, посмотрев на начальника ВОТП. — Это ты, Игоревич, верно подметил! Так что, есть большая вероятность того,

что от дырки в голове тебе, Петрович, также не отвертеться!

— Еб*ться-сраться¹⁸! — в сердцах сплюнул Эдуард Петрович. — А я уж губы раскатал умереть в своей постели и после войны! Цветочки вам на могилку носить!.. Игоревич, ё* твою мать! Кто тебя вообще за язык тянет? Ты хоть так

во время следствия никакому особисту не вздумай сказать! Как человека прошу! Пока не поздно!

Улыбнулись. Помолчали. НШ выводит плакатным пером на ватманском листе заголовок: «ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА». Скрип пера в наступившей тишине только и слышен. Все думают над сказанным. И решают, что, скорее всего, в реальной обстановке так оно и будет!

Закончил начальник штаба так:

— Ну, а самым последним стрельнут нашего начхима!

Начхим Володя, до этого как отличный художник рисовавший боевые порядки полка на пояснительной записке, в разговор не вмешивался, а тут сразу замер. Оторвался от своего занятия, посмотрел на НШ, обводит взглядом нас всех, несколько секунд подумал и с серьёзным видом проговорил:

— Мужики! Что-то мне расхотелось быть в вашей компашке!

И эта фраза вызвала гром нашего смеха.

— Да, Володя, — говорю я сквозь смех, — в полку с таким бл*дским командиром, кроме расстрела, ничего не заработаешь!

Тут перед нами возникает Фашист. И своим появлением расстроил всю нашу идиллию:

— Моё решение готово? А чего хохочите? Смеяться будете, когда я вам это разрешу!

Настроение у всех тут же было испорчено.

«М-да! — в ту секунду подумалось мне. — Бывают минуты, когда отсутствие людоедов ощущается крайне болезненно!»

Фашист, будто прочёл мои мысли, подозрительно глянул на меня, потом повернулся на каблуках и снова исчезает за дверью.

Юрий Иванович посмотрел ему в след, дождался, пока стихнут в коридоре грузные командирские шаги, снова склоняется над картой. Тяжело вздыхает и в наступившей тишине говорит:

— И когда ж тебя, гниду фашистскую, расстреляют уже?

Мы тут все и грохнули от смеха!

...Ну, мы подготовили пояснительную записку по принятому командиром решению. Фашист доложил, что готовы, «первыми».

Я думал: всё вскроется при заслушивании! Уже то, что наша группа доложила о принятом решении на 40 минут раньше, а другие полки еле-еле уложились в отведенное время, сразу должно было броситься в глаза: скорее всего такое решение принято навскидку, без достаточных обоснований!

Но замкомандующий и на это внимание не обратил! У его дочери был день рождения, и заслушивание проводилось в спешке!

После доклада Фашиста хотел что-то возразить начальник оперативного отдела Воздушной Армии, но, видя спешку генерала, махнул рукой!

...Вернулись в полк. Я предложил старшему штурману и начхиму просчитать

выбранный Фашистом вариант нанесения ядерного удара. И через полчаса мы трое схватились за голову: под удар своего ядерного боеприпаса в таком случае попадало не звено, как прикидывал я, а вся группа прикрытия! Целая эскадрилья! А лётчики ударной группы от своей же ядрёной бомбы получали облучение в 450 рентген! Это означало, что из всего полка при самых благоприятных обстоятельствах с боевого задания целыми и невредимыми благополучно вернулась бы лишь одна эскадрилья! Вторая бы вышла из строя из-за облучения, а третья там бы и полегла!

Мы просчитали и оптимальный вариант. Оказалось, что достаточно было изменить интервал между группами ударной и прикрытия, и последняя группа под удар своего ядерного боеприпаса не попадала! А если высоту полёта изменить на 250 м, то наши лётчики из ударной группы и группы прикрытия получали облучение всего лишь 10 рентген (при норме для лётчиков 25)!

Скажите: ну есть разница – 10 и 450 рентген?

Да норма облучения для технического состава, при которой они могут продолжать готовить самолёты к повторному вылету – 40!

А тут у лётчиков – 450!

Вот когда мне по-настоящему стало страшно! Кто нами руководит! В чьих руках наша жизнь на войне!

И я понял, что 1941 год нас так ничему и не научил!

Вот вам цена решения командира полка и его штаба на войне!

...Рассказывают, что однажды перед высочайшим смотром императорский любимец граф Алексей Андреевич Аракчеев обратился к генералу А.П. Ермолову:

— Алексей Петрович, тебе надобно бы подтянуть артиллерию. Смотри, чтобы и лошади были в порядке! От этого твоя судьба зависит!

— Знаю, ваше сиятельство, — отвечает Ермолов, ненавидевший «без лести преданного». — *Наша судьба часто зависит от скотов!..*

<<•><><><><><•>>

А теперь представим, что в полку, где начальником штаба Белобородько, командир умный, деятельный, отличный лётчик, но ему некогда, на всё его не хватает, а его начальник штаба математики не знает и откровенно её боится, справочники по ведению боевых действий для него – мудрёные, путаные книги, ибо там тоже сплошная математика и огромные формулы! И проверить расчёты начальников служб или заменить их при гибели или ранении он не сможет. При таком отношении начальник штаба Белобородько, скорее всего, будет предлагать решение командиру, принятое навскидку! Тем более, в боевых полках Борода никогда не летал, лётной работы по-настоящему не знает. «Академиев» не кончал!

И тогда погибнут люди! А полк, умывшись кровью, просто прекратит своё существование!

Вот цена чьей-то кадровой ошибки, в результате которой на должность начштаба полка поставлен офицер с непомерными амбициями, за которыми ровным счётом ничего не стоит. С абсолютно-нулевыми базовыми знаниями (в т.ч. математики), для коего эта должность нужна была только для получения вожделенных подполковничьих погон и утешения своего непомерного тщеславия.

Безусловно, после таких потерь начнётся разбирательство! И не после войны, как думают некоторые, а в процессе боевых действий. Если приказ на ведение боевых действий подписывают командир полка и его начальник штаба, то свои предложения

начальники служб и начальник разведки полка дают всегда в письменной форме. А гибель полка – это основание для расследования. Поэтому именно эти все бумаги лягут в основу уголовного дела. И такие расследования в годы войны проводились от батальонов и выше, виновные в принятии безграмотных решений несли наказания вплоть до расстрела!

И о трагедии командования Западного фронта в 1941 году мои товарищи вспомнили не зря!

Напомню: в первые разгромные месяцы Великой Отечественной войны было проведено расследование. И «за преступную деятельность ряда должностных лиц Западного фронта, в результате чего фронт потерял тяжёлое поражение», были 4-7 июля арестованы и 22 июля расстреляны:

– командующий Западным фронтом Герой Советского Союза *генерал армии Павлов Дмитрий Григорьевич*;

– начальник штаба Западного фронта *генерал-майор Климовских Владимир Ефимович*;

– начальник связи Западного фронта *генерал-майор войск связи Григорьев Андрей Терентьевич*;

– начальник артиллерии Западного фронта *генерал-лейтенант артиллерии Клич Николай Александрович*;

– командующий ВВС Западного фронта Герой Советского Союза *генерал-майор авиации Копец Иван Иванович* застрелился

сам, не дожидаясь ареста, поэтому был расстрелян его заместитель *генерал-майор авиации Таюрский Андрей Иванович*.

С ними были также расстреляны:

– командующий 4й армией Западного фронта *генерал-майор Коробков Александр Андреевич* со своим штабом;

– командир 14го механизированного корпуса *генерал-майор Оборин Степан Ильич* с о своим штабом;

– командир 9й смешанной авиадивизии *генерал-майор авиации Черных Сергей Александрович* со своим штабом.

Кроме того, за что-то были расстреляны:

– инспектор боевой подготовки штаба ВВС Западного фронта *полковник Юров*;

– начальник отделения отдела укомплектования фронта *полковник Кирсанов*;

– начальник топографического отдела фронта *полковник Дорофеев* и

– командир дивизиона артполка подполковник *Сбиранник*.

А за компанию расстреляли офицеров, которые ну совершенно не могут быть виновны в разгроме немцами войск Западного фронта.

Расстреляны:

– командир 8го Дисциплинарного батальона округа *майор Дыкман*;

– его заместитель *капитан Крол*;

– начальник минского окружного санитарного склада *полковник медслужбы Белявский* ;

– начальник окружной военной ветеринарной лаборатории *подполковник ветслужбы Овчинников*

и почему-то

– начальник военторга округа *полковник Шейнкин*.

Хочу подчеркнуть: ни один офицер разведки по перечисленным делам расстрелян не был – разведка оказалась на высоте. Ни один! Другое дело, как воспользовались разведданными штабы и командиры! Где-то воспользовались не так, как надо, а где-то и отмахнулись от угрожающих выводов разведсводок!

Говорю вам: повезло тому полку, что не пришлось вести боевых действий под руководством штаба, где начальником был Юрий Белобородько! (И нашему полку под командованием Фашиста повезло!) И самому Белобородько тоже крупно подфартило! Да и Фашист избежал расстрела!..

С 1974 года с Бородой встречаться мне не приходилось. Но те, кто его видел, рассказывали, что после развала СССР Юрий вдруг стал... ярым украинским националистом!

Впрочем, почему «вдруг»?

Если использовать здесь элементы психоанализа, то такая мимикрия, скорее всего, вызвана местью развалившемуся СССР за то, что в Советской Армии так и не увидели в лице Белобородько выдающегося военачальника и полководца!..

Знаю, есть категория людей, которые терпеть не могут, если их сверстники в чём-то их превосходят – в достижениях, карьере, учёбе, знаниях, а сейчас ещё и в богатстве. Надеюсь, я к этой категории не принадлежу! Я не завидую карьере Белобородько, тем более зная, каким путём она достигнута. Мне жаль людей, жизнью которых рисковали те, кто ставил Юрия на такую должность. Хорошо зная его, смею утверждать, что после нашего выпуска он не прочёл ни одной книги по тактике ВВС, ни одного учебника по боевому применению. И с таким «багажом» он собирался руководить боевыми действиями авиаполка!

ВВС – это как большая деревня, все обо всех всё знают. Кто-то где-то на каком-то аэродроме садился, кто-то где-то кого-то встречал, кто-то о ком-то слышал.

Со мной учился Саша Панков¹⁹. Мы даже выполнили первый наш самостоятельный полёт на Л-29 в один день, но в разных авиаэскадрильях! Саша закончил академию им. Гагарина, дослужился до заместителя командира авиакорпуса уволился полковником. Я не служил под его началом. Но встречал людей, которые хорошо знакомы с деятельностью командира полка Панкова. И отзывы о его командовании были самые благоприятные – подчинённые его любили и уважали! Можно только сожалеть, что такой офицер не стал командиром дивизии и генералом! Кстати, Саша был одним из первых рецензентов моих литературных упражнений.

К сожалению, полковник запаса Панков недавно скоростижно скончался от рака.

В первой роте у нас учился Игорь Вотинцев¹⁹. Он стал ведущим лётчиком-испытателем в одной из лётных фирм мирового имени – фирмы Сухого. Герой России, «Заслуженный лётчик-испытатель Российской Федерации». Игорь дал путёвку в небо самым современным истребителям нового поколения, участвовал в показе новейшей авиатехники во многих странах мира, летал через океан с дозаправкой в воздухе. А вот мне этого не довелось. Вот где я завидую! По-доброму, «белой» завистью!

Или вот взять Николая Козлитина, с которым мы летали на четвёртом курсе в одном экипаже на МиГ-21. Коля обучал курсантов в нашем училище, даже обучал лётчиков в Ираке, уволился майором. Но Коля не завидует ни Витюле Самойченко²⁰, который был командиром эскадрильи и подполковником, ни мне! А нам, с Витюлей и в голову не

приходит красоваться перед Николаем своими более высокими званиями или смотреть на него свысока! Хотя следует сказать, что как раз из Козлитина начальник штаба полка вышел бы отменный – это был очень толковый и добросовестный офицер. И он мог бы отвечать и за решения командира полка на боевые действия, и за величину портянок в сапогах солдат и сержантов срочной службы...

Один из моих училищных однокашников мне написал, что среди наших есть несколько подполковников, которые не являлись на юбилейные встречи только потому, что не стали полковниками! А ведь среди наших есть и майоры, и капитаны, даже старшие лейтенанты! Ну и что? Да по этой логике им вообще надо прятаться от всех и не дышать!

Смех да и только!

Великий русский писатель Иван Сергеевич Тургенев однажды написал прекрасные слова: *«Иди по жизненному пути столько, сколько сможешь. А устанешь, выбьешься из сил, сядь при дороге. И без зависти смотри на проходящих мимо твоих сверстников – они недалеко уйдут!..»*

Поэтому совсем не о зависти идёт речь, а о достойном продвижении по службе! И самое главное – чтобы это продвижение, эта служебная деятельность не привела к гибели других людей...

А о Бороде... Я встречался с людьми, знающими о деятельности Юрия в штабе полка. О Белобородько его бывшие подчинённые высказывали мнения крайне отрицательные: нетерпим к чужим ошибкам и недостаткам (даже самым незначительным), чужому мнению (если оно не совпадает с его собственным), не переваривает людей, которые знают больше его, скор на наложение дисциплинарных взысканий, очень злопамятен, чрезвычайно мстителен, большой любитель лести...

Что тут добавишь?.. Человек ведь тяжелее всего переносит чужой ум и легче всего – собственную глупость.

Rari quippe boni?1 Молчалин:

— *Вам не дались чины, по службе неуспех?*

Чацкий:

— *Чины людьми даются;*

□□□□□ *А люди могут обмануться.* Александр Сергеевич ГРИБОЕДОВ, «Горе от ума»
<<□><><□>>

<□>

После тех лиц, которые занимают самые высокие посты, я не знаю более несчастных людей, чем те, кто им завидует.

г-жа МЕНТЕНОН

<<□><><□>>

<□>

Человек никогда не будет хорошим до тех пор, пока не узнает, как он плох, или каким плохим он мог бы стать.

Жорж СИМЕНОН

<< >><>< >>

< >

Чем выше забор, тем лучше соседи.

Георгий ТОВСТОНОГОВ

<< >><>< >>

< >

Кто резко высказывает свои мнения о чужих действиях, тот обязывает этим себя действовать лучше других.

Виссарион БЕЛИНСКИЙ

<< >><>< >>

Mali principii malus finis²²

ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ < >> >> «Фашист» << << >> (продолжение) *Характер человека по-настоящему можно узнать, когда он станет твоим начальником.*

Эрик-Мария РЕМАРК

Ну, и если вам интересно, расскажу чуть подробнее о Фашисте и его судьбе. Конец у него печален!

Следует оговориться сразу, что пишу чистую правду, хотя у иного читателя и могут возникнуть вопросы: да возможны ли в нашей доблестной армии *эдакие* отношения, бывают ли *таки* е *во* еннослужащие? Неужели *они* сами не видят, каковы они?

Отвечу так: возможны, бывают, не видят! Вернее, не хотят видеть! У подобных начальников создаётся обманчивое впечатление своего всемогущества. Что ещё немного поднадавить, ещё чуть-чуть усилий, и он обломает подчинённого. Тот перестанет иметь своё «Я», будет заглядывать в рот начальнику и восхищаться им, независимо от заслуг и деловых качеств последнего. Вот тогда он, начальник, перестанет к нему придирааться! И подчиненный поймёт, какой это справедливый и замечательный человек – его самый любимый командир!

Исследования военных психологов показывают, что только 4-5% людей имеют в себе наклонности подхалима и которые не стесняются этих своих качеств. И лишь 2% подчинённых, столкнувшись с грубостью, хамством и откровенным давлением начальствующего мурла, меняют своё поведение и становятся лизоблюдами.

2% – ведь это очень мало! Какова вероятность того, что вы, начальник, займете в

своём подчинении именно таких военнослужащих? Остальные будут вынуждены молчать и подчиняться. И начинают активно ненавидеть своего патрона.

Нет, в своих записках я не лгу! Мне просто это не надобно! Вы должны понять, что прошло уже много лет и «сводить счёты», не называя подлинных имён, отчеств и фамилий – просто бессмысленно. Поэтому мне не надо сгущать краски или что-то придумывать. Пишу чистую правду. И цель такого повествования – дать осмотреться моим военным читателям, приглядеться к своему собственному отношению к службе и людям, которые в силу некоторых причин временно называются их подчинёнными. Может, кто из армейских читателей, взглядевшись в деяния Фашиста, подправит что-то и в своём поведении?

Так вот. Чтобы понять до конца, что это был за офицер, наш Фашист, и почему у него с людьми ничего не выходило, полагаю мне надо охарактеризовать его несколькими штрихами.

...Когда Фашист был ещё заместителем командира полка по лётной подготовке, он заочно учился в академии. Как-то подходит ко мне:

— Я решил тебя потренировать в принятии решения командира на боевые действия. Вот номенклатура карт, получишь на топоскладе, склеишь, нанесёшь эту обстановку и...

Суёт мне бумаги, на которых сверху стоит: «Военно-Воздушная академия им. Гагарина».

Это значит, что он получил по учёбе задание, которое надо будет выполнять мне! В принципе я всегда на учениях помогал начальнику штаба писать решение командира на боевые действия, и работа эта мне была знакома, даже нравилась. Но... Он, видите ли, «хочет меня потренировать»! Это, во-первых. А во-вторых, помогать ему просто не хотелось!

— Анатолий Васильевич! Начнём с того, что для того, чтобы меня «тренировать», у меня есть мой непосредственный начальник – начальник штаба полка. И потом, у меня сейчас нет времени, заниматься вашими академическими заданиями. Мне надо готовить штабную тренировку и закончить отчёт по Пункту сбора и обработки данных для штаба ВВС округа.

— Значит, ты отказываешься мне помочь?

— У меня просто на это нет времени!

Тут же последовали «санкции»:

— Тогда давай твою лётную книжку на проверку!

Я посмотрел, не кончился ли лист проверки лётной книжки, в которую заносятся замечания, и отдал её Фашисту.

Через полчаса он лётную книжку возвращает мне со словами:

— Устраняй замечания. До устранения замечаний летать не будешь!

Открываю лётную книжку, ищу лист замечаний. Нет этого листа! На мой вопрос получаю ответ Фашиста:

— А я тебе лист замечаний и не дам! Сам ищи свои недостатки!

Мне нетрудно было их найти: в одном месте не поставил оценку по боевому применению за полёт, в разделе проверок не стояла ещё печать.

Проставил оценку, пошёл за печатью к начальнику штаба. В кабинете НШ сидел и командир полка. На вопрос, отчего такая спешка с печатью, поведал, как Фашист хотел меня «потренировать» и о фашистских нововведениях с листом проверки.

Начальник штаба заметил, что Фашист подходил к нему накануне и просил, чтобы тот меня *обязал* заниматься его заданием из академии.

— Я ему ответил, что сейчас тебе некогда. И что если он хочет, пусть просит тебя, договаривается с тобой о помощи! Он ушёл от меня, сделав обиженный вид. Но чтобы так мелкотравчато мстить с листом проверки!..

Командир полка молча выслушал, вздохнул и, пока НШ доставал печать и прикладывал её к моей лётной книжке, спустился вниз в наш совместный с Фашистом кабинет. Спускаюсь по лестнице и слышу разговор на повышенных тонах командира полка с Фашистом:

— Лист проверки для того и служит, чтобы лётчик замечания, которые вы ему в лётной книжке нашли, устранял, не тратя времени на их поиски. А вы издеваетесь над людьми! Мстите им за что-то!

— Товарищ командир, вы ко мне придираетесь!

— Я? Придираюсь? Ну, конечно, когда вы сводите свои личные счёты с офицером за то, что он не стал делать ваше задание из академии, – это вы НЕ придираетесь! А когда вас поправляют и делают вам замечание, то сразу это придирки! Запрещаю! Вы меня поняли? Запрещаю издеваться над людьми!

Наверное, найдутся добрые сердцем, конформичные в хорошем смысле слова читатели, которые скажут:

«Ну вот! Не захотел человеку помочь! А помог бы – глядишь, и друзьями бы стали!»

Отвечу здесь: вы не знаете Фашиста! Он любую помощь воспринимает как должное! И тут же о ней забывает! Велика ли цена услуги, которая ему уже оказана?

Никогда не забуду, как сразу после нашего катапультирования, он сказал, глядя мне в глаза:

— Юра, спасибо! Ты спас мне жизнь!..

Я пожал плечами: спасая его, я спасал и себя! Ибо кто и в какой кабине спарки не потянул бы ручки катапультирования, катапультируются оба пилота из передней и из задней кабины почти одновременно. Когда поисковая группа разыскала наши катапультирные кресла, то обнаружили, что мои рукоятки катапультирования на кресле задней кабины сдёрнуты, а ручки кресла из передней кабины не тронуты – утоплены в гнёзда и законтрены...

...Об отношении Фашиста к службе говорит следующий эпизод.

Наш полк нёс боевое дежурство в системе ПВО страны. И дежурное звено могло быть поднято в любую минуту дня и ночи. А по очень строгим приказам Министра Обороны СССР с двумя нулями перед номерами, в случае взлёта дежурных сил в течение определённого времени после получения сигнала на КП полка должны прибывать командир и начальник штаба полка, которые, в случае надобности, оценив обстановку, могли принимать решение на уничтожение самолёта-нарушителя. До прибытия командира и начальника штаба полка такой приказ мог отдать и оперативный дежурный.

Тогда Фашист уже был командиром полка. В тот день я как раз и был оперативным дежурным нашего полка. После взлёта пары истребителей из дежурного звена позвонил начальнику штаба полка (тот сказал, что сейчас будет) и звоню домой Фашисту:

— Товарищ подполковник! Оперативный дежурный КП майор Кручинин. По сигналу с КП ПВО округа из дежурного звена в воздух поднята пара наших истребителей. Цель реальная, движется вдоль границы. Метеоусловия...

— Кручинин! Ё* твою мать! Я отдыхаю перед второй сменой [полётов]! На х*я ты меня беспокоишь? Ты же лётчик, должен соображать!

— Товарищ подполковник! Я не могу не доложить вам [командиру полка] о вылете самолётов из дежурного звена! Я обязан (не должен, не имею право – обязан!) доложить вам об этом в соответствии с приказом Министра обороны!

— Я тебе дам, «обязан»! Сейчас приеду на КП, я с тобой, бл*дь, разберусь! До майора дослужился, а соображать, когда звонить, а когда нет, не научился! Всё! Меня не беспокоить!..

Фиксирую в журнале ОД: «12.30 – по телефону доложил командиру и начштаба полка о поднятии пары дежурных сил в воздух».

Проходит необходимое время. И с КП округа, естественно, интересуются, прибыл ли командир полка? Может быть, командир прибыл, а я, оперативный дежурный, забыл доложить?

— Командир полка пока не прибыл, — отвечаю.

Вышестоящий оперативный, возмущаясь, ставит в известность об этом нашего командующего. Последний, всегда относившийся щепетильно к вопросам несения боевого дежурства и выполнению приказов «верхних» штабов и старших начальников, по телефону даёт ускорение Фашисту и тот взмыленный, на форсаже прискакивает на КП полка. В качестве мести суёт мне взыскание за какую-нибудь чепуху (вроде несвежего подворотничка у солдата-планшетиста – хотя это епархия начальника КП, а никак не оперативного дежурного), попутно за что-нибудь наказывает (в моём присутствии) начальника штаба полка, который его не прикрыл. Потом садится в кресло и начинает откровенно скучать. В управление нашей парой истребителей не вмешивается, никаких указаний или уточнений не следует. И где-то через полчаса наши самолёты садятся. Фашист говорит, что так и знал, что ничего серьёзного не будет, поднимается с кресла и идёт к выходу.

В дверях оборачивается и говорит мне:

— Теперь ты видишь, что командира по пустякам беспокоить не надо было?

Я неизменно отвечаю, что выполняю приказ Министра обороны. Он уходит, раздражённый. И в следующий раз при подъёме дежурных сил на моём дежурстве всё с поразительной закономерностью повторяется опять: мой доклад, мат по телефону, втык ему от командующего, очередное внеочередное взыскание мне и НШ...

Но однажды я не выдержал и на его вопрос, понял ли я что-нибудь, ответил так:

— Лгать на КП округа о том, что вы прибыли, в то время, когда вас на КП полка и близко нет, я не буду! А если вам нужно, чтобы кто-то такую ложь докладывал, то ставьте оперативным дежурным майора Домановича или капитана Кашугина! Но тогда, в случае осложнений, им за свою ложь и отвечать придётся самим!..

Названная пара офицеров в полку была известна своей подлостью: ради служебного роста готовы были откровенно лизать задницу и Фашисту, и любому другому начальнику, от которого зависит их возвышение, не стесняясь при этом других офицеров. Ради карьеры они шли даже на клевету своего товарища, если это было нужно начальству.

После моего заявления Фашист вытаращил на меня свои глаза, а затем проговорил:

— Всё-таки пр-р-равильно я тебя сегодня наказал! Пр-р-равильно!..

И, уходя, он улыбнулся мне своей редкой улыбкой. «Редкой» – не в смысле «редкой по красоте», а потому как улыбался только тогда, когда кому-нибудь совал взыскание

или кому-нибудь откровенно хамил.

Что тут скажешь? Фашист он и есть Фашист!.. Очевидно, это доставляло ему какое-то особое, трудно скрываемое удовольствие – наказывать и хамить подчинённым, которые ему не могут ответить тем же.

Казалось бы, ну, доложи, что командир прибыл, тогда как его нет! Хочет – доложи! Кто там за сотню вёрст проверять будет? Да, проверять – не проверяли! Но не всё так просто! Моя цель в описанном эпизоде была совсем не продемонстрировать непокорность! Просто шутить с таким делом, как противовоздушная оборона государства, недопустимо! Если всё будет хорошо, тогда да, можно, конечно, и доложить! И, как говорится, чёрт с ним! Но кто может предугадать, как всё оно будет, во что выльется то или иное нарушение воздушного пространства СССР? Может, он там бомбу на борту несёт! Поэтому если случится нечто, похожее на посадку самолёта Руста на Красной площади в Москве, или теракт, типа арабских террористов в США, то будет жестокий разбор и серьёзное следствие по возбуждённому уголовному делу. А когда запахнет жареным, Фашист, отвечая на вопрос следователя Главной военной прокуратуры, в любой момент мог бы сказать:

— Я не прибыл на КП полка, так как этот размандяй – оперативный дежурный – о подъёме дежурных сил мне ничего не доложил!

Максимум, что за это полагается командиру полка – дисциплинарное взыскание за плохую организацию несения службы ОД и неудовлетворительный подбор личного состава на боевое дежурство, ну, может, с должности снимут. А вот оперативному дежурному в таком случае грозит серьёзный срок по уголовной статье «Нарушение правил боевого дежурства и подготовки к нему, повлекшие тяжкие последствия». И срок немалый! А оправдания, типа: «Я не хотел беспокоить своего командира полка перед ночной сменой полётов», или: «Он меня всё время за звонки к нему ругал», или что-либо нелепое ещё, ни следствием, ни судом в расчёт приниматься не будут! К тому времени я избирался народным заседателем военного трибунала уже на четвёртый срок (по 2,5 года каждый), и прекрасно знал, как там спрашивают (сам задавал свидетелям и подсудимым такие вопросы)!

Если же на следствии выяснится, что ОД о вылете дежурного звена командиру полка всё же доложил (записи в пронумерованном и прошнурованном журнале, показания свидетелей, магнитофонная запись телефонного разговора – все переговоры ОД пишутся на магнитофон), а командир в установленный срок без уважительных причин на КП не прибыл, то оперативный дежурный тогда будет вне всяких подозрений, и срок от семи до пятнадцати (а то и расстрел! – в военное-то время) грозит уже командиру полка – ленивому, нерадивому, бестолковому и глупому.

Вот в чём подоплёка: Фашист хотел нарушать, но так, чтобы в случае чего ответственность несли его подчинённые! Они ведь для того и служат, чтобы прикрывать собой своего любимого командира!

Оговоримся, что тогда ещё, правда, не было ни полёта Руста, ни исламских террористов! А по сему, Фашист, скорее всего, считал несение боевого дежурства нашим полком игрой в войнушку: кто там на нас сейчас нападёт! А ты меня тут беспокоишь по «пустякам»!

Кстати, после того, как у меня набралось двенадцать подобных «фашистских» взысканий, я обратился с рапортом к командующему, в котором показал неправомочность подобных наказаний и что это – элементарная месть со стороны

командира полка за то, что не давал ложных докладов на КП ПВО округа. Особо ни на что не рассчитывал. Но командующий по моему рапорту присылает группу опытных офицеров. Те сверили даты взысканий с датами подъёмов дежурного звена и моим оперативным дежурством, записи времени прибытия командира полка на КП по журналам оперативных дежурных КП полка и КП ПВО округа и поговорили с офицерами, дежурившими со мной. А потом Фашисту сказали: или сам аннулируешь эти свои «взыскания», или это сделает командующий в своём приказе по нашему докладу с соответствующими оргвыводами по тебе самому.

И Фашист, зеленея от ярости... Нет, он меня не вызывал и не сказал: «Всё-таки непр-р-равильно я тебя наказал! Непр-р-равильно!» Он просто втихаря приказал начальнику строевого отделения переписать мою карточку, не занося все эти двенадцать своих взысканий. Впрочем, мне его извинения были и не нужны! После этого случая он со мной стал более осторожным!..

— Он теперь тебе этого не простит! — сказал мне после всех разборов начальник штаба полка Владимир Игнатович.

— Да?

— Да!.. Юра! Я тебе говорил и повторяю: будь скромнее и тебе люди простят, что ты существуешь!

Посмеялись...

...Или вот такой характерный пример, показывающий примитивность мышления Фашиста.

Начало марта. Выдавшийся тёплый, солнечный, безветренный денёк. Утром на построение командир полка приходит в фуражке, тогда как весь полк стоит в шапках. В конце построения кто-то из офицеров задаёт вопрос:

— Товарищ подполковник, а что, уже на фуражки переходим?

— Нет! Пока приказа по округу о переходе на летнюю форму одежды не было! А я... Должен же командир полка от вас чем-то отличаться!..

До этого я всегда думал, что командир полка должен отличаться от подчинённых своими знаниями, опытом лётной работы, умом. А по Фашисту выходит – только фуражкой!..

Однако с первых дней пребывания на должности командира полка, Фашист вызвал ненависть всего личного состава своими другими действиями! Вдруг он отдаёт приказ, согласно которому весь полк по утречкам должен строиться и под его тучным руководством (а чаще всего под командой его заместителя) делать утреннюю гимнастику. Как вы понимаете, офицеры – это не солдаты, живущие в казарме. Такое решение вызвало бурю недовольства личного состава. К тому же он так решил совсем не потому, что хочет сделать из нас здоровяков. Скорее всего, с первых дней пребывания на должности ему захотелось показать свою власть над личным составом!

— Будет в полку улучшено положение с воинской дисциплиной, на зарядку строиться не будем! — объявил на построении Угрюмый.

Хотя полк был, как полк, ничем не хуже других, в т.ч. и по воинской дисциплине! Но эта его фраза сразу всё ставит на свои места!

Плюс ко всему, в каждый праздник (подчёркиваю: в каждый!) Фашист приказывал личному составу вечером строиться на общегарнизонную проверку. Что тоже не нравилось офицерам и прапорщикам, потому как праздник есть праздник! А приходиться в строй выпившим и, тем самым, светиться перед срочной службой приятно было не всем!

А Фашист, вдобавок ко всему, сам был любитель выпить и не только в праздничные дни. Да так, что, бывало, командующий, ожидая его доклад по понедельникам, с утречка разыскивал его с собаками. И своё угрюмое появление нетрезвым перед строем наш командир не считал особо зазорным.

И ещё! Ему очень нравилось дирижировать, когда части и подразделения гарнизона по уставу должны были на вечерней проверке петь Гимн Советского Союза. (Может быть, для этого он нас и строил?) Что тоже ему популярности не прибавляло! Над ним просто откровенно смеялись, как над пьяным Ельциным, который много лет спустя, тоже пытался управлять оркестром в Германии.

Это лишь малая часть того, за что его ненавидели.

И, наконец, главная «мелочь», из-за которой он погорел со страшной силой и из-за чего его и сняли! При прежнем командире, как и везде по ВВС, в отпуск лётчики ходили на 45 суток плюс дорога (что было оговорено в НПП). Фашист же подписал приказ, в соответствии с которым «с целью повышения боеготовности полка» лётчики идут в отпуск на 30 суток плюс дорога! (Т.е. как инженерно-технический состав и общевоинской!) И его тут же возненавидели все пилоты.

Вообще-то мышление у Фашиста было уникально: он искренне верил, что за формулировкой о повышении боеготовности можно скрыть любое своё беззаконие и всё ему сойдёт с рук. Кто ему это внушил – не знаю, но верил он в это свято!

Однако через месяц в полки пришла директива Заместителя ГК ВВС, в которой говорилось: «В связи с высокой аварийностью в ВВС по вине личного состава, связанной с высокими психофизическими нагрузками лётной работы, приказываю: командирам частей и соединений предоставлять лётному составу отпуск не менее 45 суток плюс время на дорогу к месту отдыха и обратно».

Казалось бы, всё ясно! Смирись, фашистская морда! Дай лётчикам то, что положено!

Не тут-то было! Угрюмый, посчитав директиву ущемлением своего командирского авторитета, проигнорировал указания Заместителя главкома ВВС, правда, став давать лётчикам отпуск на 35 суток. («Нате вам, подавитесь! Но на 45 суток всё равно никто, кроме меня, ходить не будет! Должен же командир чем-то отличаться от вас!»)

И посыпались жалобы. А т.к. штаб ВВС округа почему-то не спешил с урегулированием данного вопроса, четверо пилотов обратились с заявлением в гарнизонную прокуратуру. (После чего, конечно, они тут же попали в «чёрный» список командира полка.)

Эти четверо потом рассказывали, как прокурор гарнизона снял трубку и в их присутствии потребовал объяснений у командира полка. И получил ответ:

— Я это делаю с целью повышения боеготовности воинской части, которой командую!

Ожидаемая реакция прокурора: «Ах так! Тогда конечно! Понимаю! Вы правы! Тут ничего не сделаешь!»

Но военный прокурор тоже был не лыком шит, поднаторел на судебных заседаниях в спорах с адвокатами. Он тут же поинтересовался:

— Скажите, а что, Замглавкома ВВС против повышения этой боеготовности, что шлёт такие директивы?

На том конце провода заклинило моментально!

— Давайте договоримся! — миролюбиво продолжает прокурор. — Или лётчики у

вас в полку начинают ходить в отпуск не менее 45 суток, и я «закрываю» эти заявления. Или я присылаю прокурорский протест, по которому вы будете *обязаны* в установленный законом срок отменить свой неправомерный приказ!

Не понял ничего Фашист. И протест прокурора получил. Однако командир полка решил, что он – почти полковник, а какой-то прокуроришка – подполковник. Что он, командир, у себя здесь – бог, царь и воинский начальник («с целью повышения боеготовности», что хочу, то и ворочу; а моё начальство это оценит и меня ещё похвалит!). И прокурорский протест тупо проигнорировал.

Прокурор гарнизона напомнил ему пару раз о протесте со ссылкой на закон. А потом взял и накатал докладную прокурору округа. Тот не стал связываться по телефону с окружным ВВСовским начальством и написал Главному военному прокурору Вооружённых Сил. А тот, в свою очередь обратился к Министру Обороны с соответствующим обзором и показательными примерами, в числе коих красной нитью проходила фамилия Фашиста и его тупость.

И пошла раскрутка в обратную сторону!

Министр, особо не жаловавший Главкома ВВС, на Военном Совете Вооружённых Сил учинил форменную выволочку всей военной авиации Советской Армии в лице Главкомандующего ВВС и его Главного Штаба. Показал на примере нашего гарнизона, что командиры авиачастей не только игнорируют закон и не отвечают на прокурорские протесты, но и не выполняют указания своего родного авиационного начальства, попросту говоря, кладут свой лётный пенис на их директивы, помахивая им при этом в Москву названной частью своего тела.

Главком ВВС, не ожидавший такого подвоха от своих любимых подчинённых, с криком: «Чудны дела твои, о, господи!» на Военном Совете ВВС устроил масштабную порку нашему командующему авиацией округа, в конце заявив ему, что служить в европейской части Союза и на таком посту для него – большая роскошь! И пообещал, что тот, если не может навести порядок в подчинённых ему частях, будет сослан для кормления в какую-нибудь замечательную Тмутаракань, где самой большой и единственной достопримечательностью будет острог, в котором когда-то сидели декабристы, и где он так и сгниёт генерал-майором на какой-нибудь невинной подполковничьей должности.

Наш командующий, восхищённый открывшимися перед ним радужными перспективами пополнения своего послужного списка ещё одной подполковничьей должностью и службой «по декабристским местам», ещё успеваает у себя на срочном созванном Военном совете отодрать Фашиста в хвост и гриву, когда в ВВС округа нагрянула свирепая комиссия из Москвы. Они подняли все документы, присланные в штаб ВВС округа за подписью Фашиста из нашего полка, и тут же уличили в приукрашивании состояния дел в полку. На контроль взяли и документы последнего КШУ. Офицеры из Москвы просчитали вариант, принятого на КШУ нашим полком решения и, как и мы у себя дома, схватились за голову. Ознакомившись с выводами, всем сразу стало ясно, насколько опасен такой человек на должности командира полка, если после первого же боевого вылета от собственного ядерного боеприпаса полк теряет как минимум сразу две трети своего лётного состава и треть самолётов.

Командующий в сердцах буркнул, что таких командиров, как Фашист, надо расстреливать ещё до начала войны и желательно сразу после КШУ, иначе победы нам в будущих битвах не видать:

— Если на учениях всё должно быть, как на фронте, то последствия тоже должны быть приближены к боевым! Других путей выявления и освобождения армии от дураков человечество ещё не придумало! — добавил он. — Сталин в 30х годах расстрелял своих военных недотёп и войну выиграл, а Гитлер не стал этого делать и войну проиграл!

Когда генерал-лейтенант из Москвы спросил, указывая на хронометраж принятия решений полками на КШУ, почему никто не обратил внимание на «передовиков», подозрительно оказавшихся «готовыми» на много времени раньше других, наш командующий мужественно взял всю вину на себя, т.к. КШУ проводилось под его руководством. А со своим замом, который допустил *такой* ляпсус и пропустил *такое* решение, решил разобраться лично.

Уж не знаю, как он там с ним разбирался, но через пару месяцев у командующего был уже другой заместитель. А предыдущий отправился на будущее справлять день рождения своей дочери в более спокойной обстановке по Петропавловск-Камчатскому времени...

Пока суд да дело, не менее лютая комиссия была снаряжена нашим командующим к нам в полк во главе со своим заместителем. Комиссия скоренько наковыряла недостатков побольше и покрупнее, и с утречка объявляет полку сигнал на приведение в боевую готовность (в простонародье называемой «тревогой»).

Личный состав, который уже был в курсе того, что тучи над Фашистом сгустились серьёзно, решил педалировать его снятие. И в отведённое время приведения в боевую готовность лётные подразделения не уложились, чего никогда не было со времён товарища Ежова и его повальных арестов.

Вечером в клубе на совещании офицеров полка Фашист, брызгая во все стороны ядовитой слюной, пригрозил поснимать всех без исключения с лётной работы, оставив на своих местах только себя, любимого, и парочку своих придворных подхалимов.

Тут подъехала комиссия из Москвы. Узнав об этом, Фашист поутру у себя в кабинете начал уговаривать командиров подразделений не подводить его, тем более что у него дома – жена и трое детей. (Кстати, третий ребёнок, внешне очень похожий на своего отца, был рождён полным идиотом, что дало повод инженеру полка по авиаоборудованию, очень остроумному человеку, пошутить чёрным юмором: «Не так страшен чёрт, как его малютка!»). К тому же, по словам Фашиста, если его снимут, полк моментально разгонят! (Другими словами, без Фашиста полку не жить!) И клятвенно пообещал прекратить придирки. (То есть, получается, он прекрасно понимал, что творит!)

Но, зная злопамятность и мстительность полкача, командиры подразделений, не будь дураками, фашистским клятвам не поверили. (Не 1938 год!)

Новое приведение в готовность полка на следующий день дало ещё более плачевные результаты, ибо ТЭЧ полка не уложилась в отведенное время тоже. И обе комиссии, зафиксировав то, что лучший полк в ВВС округа за последние девять месяцев (т.е. с тех пор, как им стал командовать Фашист) превратился в худший, и что причина этого в лице командира полка обнаружена, с радостью уехали докладывать об этом своему начальству.

Фашист, недолго думая, сам нацарапал рапорт с просьбой освободить его от занимаемой должности, и, невзирая на жену и троих детей, ушёл в тяжёлый запой.

С быстротой действия телеграфа ЗАС просьбу его уважили. И отправили в Забайкалье, подальше от начальствующих глаз, и на должность, на которой он, даже в

случае вселенской катастрофы и если бы очень захотел, никого ни снять с лётной работы, ни погубить уже не мог.

О его снятии тут же доложили по всем инстанциям, не забыв местного гарнизонного прокурора, чтобы успокоить юридические страсти, с которых всё и началось.

Что касается нашего полка, то, как мне написал бывший сослуживец, личный состав на радостях «гудел» целую неделю.

Зная обстановку в гарнизоне, я не думаю, что это было преувеличением!

За свою службу в авиации я перевидал 19 командиров полков. Кроме Фашиста был ещё командир, когда всему полку мечталось, чтобы его куда-нибудь или сняли, или повысили, или перевели! Но с Фашистом это был единственный случай, когда снятию с должности своего командира так бурно радовался весь личный состав! (Кроме его подхалимов, конечно! Там клинический случай: лизать задницу надо кому-то другому и с самого начала!)

Через несколько лет Фашист в госпитале помер. От рака головного мозга. Случайно встреченный в Москве доктор, которого я знал раньше, рассказал, что отходил Фашист в мир иной в муках, с адскими болями.

— Что вы хотите – опухоль мозга! Отсюда и боли! Страшные боли! Не помогали даже лошадиные дозы морфия! — говорил мне врач.

В истории болезни со слов больного было отмечено, что частыми головными болями тот страдал с детства, о чём при поступлении в лётное училище он предпочёл скрыть. Хотя непропорционально большая голова по отношению ко всему телу (и это притом, что «башковитым» назвать Фашиста было нельзя!), могла бы медиков и насторожить...

Не радуясь такой кончине сего чело... сего офицера, замечу, что подобная лютая смерть даёт основание вспомнить народную мудрость: *легко умирают лишь праведники...*

Как говорил поэт: *«Лёгкой жизни я просил у бога. Надо было б лёгкой смерти мне просить!..»*

□□□□□

Вдогонку:

□□□□□ ••>> — *...Понимаешь, Владимир Борисович, нам с тобой кажется, что мы только тогда руководим, когда собираем бюро, даём указания, принимаем решения. Но, оказывается, что главным образом, мы руководим не этим! А тем, какие есть мы люди! Что нам дорого, а на что нам наплевать. В зависимости от этого к нам приходят с определёнными предложениями, починами, идеями... Такие мы люди, поэтому такие у нас дела...*

Александр ГЕЛЬМАН, из пьесы «Обратная связь» □□□□□ ••>> Лёгкой жизни я просил у Бога:

Посмотри, как мрачно всё кругом.

Бог ответил: «Подожди немного,

Ты меня попросишь о другом».

Вот уже кончается дорога,

С каждым годом тоньше жизни нить —

Лёгкой жизни я просил у Бога,
Лёгкой смерти надо бы просить.

Иван Иванович ТХОРЖЕВСКИЙ (1910 г.)

Scilicet!²³ <□> *Необходимо либо вовсе не приближаться к царям, либо говорить им лишь то, что им приятно.* ЭЗОП <<□><><□>> <□> *Злословящий есть самый лютой из диких зверей, а льстец – самый опасный из ручных животных.*

ДИОГЕН

<<□><><□>>

<□>

—
По моему разумению, если начальство не делает нам зла, то это уже немалое благо!

Пьер БОМАРШЕ, «Безумный день, или женитьба Фигаро»

<<□><><□>>

<□>

Дураки жалуются, что их принимают за дураков.

Жильбер СЕСБОРН

<<□><><□>>

<□>

Для низких натур нет ничего приятнее, как мстить за своё ничтожество.

Виссарион БЕЛИНСКИЙ

<<□><><□>>

<□>

Исправить злого человека невозможно, он может изменить только вид, но не нрав.

ЭЗОП

<<□><><□>>

<□>

Там, где недостает ума, недостает всего.

лорд Джордж ГАЛИФАКС

<< >>

< >

Не можете помешать тому, чтобы вас проглотили – постарайтесь хотя бы, чтобы вас не могли переварить.

Жан-Жак РУССО

<< >>

< >

Сам чёрт не разберет, отчего у нас быстрее подвигаются те, которые идут назад.

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

<< >>

< >

Глуп, кто глупцов не узнает, и еще глупее тот, кто, распознав, от них не уйдет. Опасные при поверхностном общении, они губительны при доверчивой близости.

Грасиан-и-МОРАЛЕС

<< >>

< >

Выбирай себе друзей тщательнее, а враги выберут тебя сами.

Роберт АСПРИН, «Мифические персоны»

<< >>

< >

Чем выше подъём, тем ужаснее падение.

Хуан МАНУЭЛЬ

<< >>

< >

Чтобы сделать карьеру, следует одеваться во все серое, держаться в тени и не проявлять инициативы.

Шарль ТАЛЕЙРАН

<< >>

<□>

— С умом, и вдруг – продвинуться? Шутить изволите, ваше сиятельство! Раболепная посредственность – вот кто всего добивается!

Пьер БОМАРШЕ, «Безумный день, или женитьба Фигаро»

<<□><<□>>

<□>

Поначалу Кертнер

24

был излишне робок и его непосредственный начальник Старик

25

, хотя никогда и не видел Этьена в чужом обличье, посоветовал ему набраться дерзости, бесцеремонности, стать менее брезгливым, да, именно менее брезгливым. Бывает нужно, не моргнув глазом, чокнуться с какой-нибудь сволочью, пожать его сволочную руку, выпить за его сволочное здоровье и пожелать этой сволочи благополучия и успехов. Не будь чистоплюем, умей, не морщась, вскинуть руку в знак фашистского приветствия и сказать про себя: «Хайль, сволочь!»¹

Евгений ВОРОБЬЁВ, «Земля, до востребования»

Напоминаем, что оценить представленный материал вы можете не только в комментариях, но и с помощью выставления оценки ² (по пятибалльной шкале) и нажав клавишу РЕЙТИНГ вверху страницы. Для авторов и администрации сайта ваши оценки чрезвычайно важны!³

¹ Und alles (нем.) – и всё.

² Trauriger Fall! Darauf, Herr Osipoff, das endet nicht gut! (нем.) – Печальный случай! Тогда, господин Ёсипов, всё кончится плохо!

³ Trauriger Fall! (нем.) – Печальный случай!

⁴ Usque ad absurdum (лат.) – вплоть до нелепости.

⁵ Думать ж*пой (неприличн.) – совершать поступки, вызывающие недоумение окружающих своей глупостью, что может быть объяснено только использованием в процессе мышления инструмента для того не предназначенного.

⁶ Всё по х*ю (нецензурн.) – кто-либо совершенно не затрагивает субъекта, потому что он волевым усилием исключает это из своей личной сферы; безразлично; всё равно.

⁷ Ни х*я (нецензурн.) – указание на отсутствие даже минимального количества чего-либо или следов какого-либо действия или состояния; ничего.

⁸ Ни х*я себе (нецензурн.) – выражение крайнего удивления вновь открывшимися малоприятными или странными обстоятельствами; ничего себе!; вот это да!

⁹ Probatum est (лат.) – проверено, доказано.

¹⁰ Ad vocem! (лат.) – к слову (сказать); по поводу; что касается.

¹¹ Поэтому, кстати, инструкторы нас всегда предупреждали: «К 21му нельзя подходить спиной, а потом резко поворачиваться – можно остаться без глаз!» Вот даже каким «мелочам» уделялось внимание на наземной подготовке!

¹² *Stultorum infinitus est numerum (лат.)* – Число глупцов бесконечно.

¹³ СПУ – самолётное переговорное устройство.

¹⁴ ВОТП – воздушная, огневая и тактическая подготовка полка.

¹⁵ КШУ – командно-штабное учение.

¹⁶ Что за х*йня (*нецензурн.*) – выражение досады и недовольства в связи с осознанием безрезультативности попыток устранить отрицательно оцениваемые факторы ситуации, не вписывающиеся в представления говорящего о нормальном устройстве мира; что за чёрт!; да что же это такое!

¹⁷ Ё* твою мать (*нецензурн.*) – выражение досады и недовольства в связи с сознанием собственного бессилия перед отрицательно оцениваемыми факторами ситуации, не вписывающимися в представления говорящего о нормальном устройстве мира; что за чёрт!; да что же это такое, ё* вашу мать!

¹⁸ Еб*ться-сраться (*нецензурн.*) – выражение крайнего удивления открывшимися неприятными обстоятельствами; да что же это такое творится!

¹⁹ Фамилия и имя подлинные.

²⁰ Ещё один член нашего курсантского экипажа на Л-29.

²¹ *Rari quippe boni (лат.)* – хорошие люди редки. Ювенал полагал, что их едва ли наберётся более семи.

²² *Mali pricipii, malus finis (лат.)* – дурное начало, дурной конец.

²³ *Scilicet (лат.)* – разумеется, конечно; а именно; то есть.

²⁴ Кертнер – под этим именем скрывался советский разведчик Маневич Лев Ефимович (1898-1945 гг.) – офицер советской военной разведки, полковник, разведчик (псевдонимы: «Этьен», «Старостин»). В Красной Армии с апреля 1918 года. Участник Гражданской войны, был комиссаром бронепоезда, командиром отряда особого назначения. В 1921 году Л.Е. Маневич окончил высшую школу штабной службы комсостава, в 1924 году – Военную академию РККА, а в 1929 году – курсы при Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского. Служил в Разведывательном управлении РККА. С середины 20-х до начала 30-х годов XX-го века, периодически находясь за границей, Лев Маневич проявил замечательные качества разведчика, большое самообладание и мужество. Прекрасно образованный он был очень эффективным сотрудником, добывая ценную информацию. Во 2-й половине 1930-х годов он выполнял важнейшие правительственные задания по организации физического устранения врагов Советского Союза и советской власти за границей, в том числе белоэмигрантов, перебежчиков и тому подобных. Арестовывался в Вене по подозрению в совершении операций с краденными бриллиантами, художественными ценностями и наркотиками, но избежал суда. Во время Великой Отечественной войны Лев Маневич был арестован итальянской фашистской контрразведкой и приговорён судом к тюремному заключению. В 1943 году его передали гитлеровцам, у которых он содержался в концлагерях на территории Австрии – Маутхаузен, Мельк и Эбензе. Был освобождён американскими войсками 6 мая 1945 года, но вскоре, 11 мая 1945 года, скончался. Похоронен в городе Линц (Австрия).

²⁵ Под этим псевдонимом работал начальник ГРУ того времени Я.К. Берзин.